

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Издается с 1 марта 2015 года
Выходит 4 раза в год

Выпуск
3 (3)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

3 CONTENTS

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- 5 *Н.В. Розенберг* Философские аспекты осмысления понятия «глобальная культура»
10 *К.А. Рындина* Культурологический аспект актуальности в искусстве и особенности наследования культуры

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- 17 *М.В. Никольский* Культурфилософские основы храмового искусства Египта
27 *К.В. Филатова* Функциональность культуры в декоративной живописи

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 33 *А.Н. Худанян* Общая и частная оценки межличностных отношений в производственной области (на материале английского языка)
39 *М.В. Терских,
Е.Д. Малёнова* Концепт «SIBERIA» в сознании представителей американской лингвокультуры
50 *М.М. Петрунин* Сравнительный анализ имени существительного в языках романской группы

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 57 *И.М. Попова* Повесть Захара Прилепина «Восьмерка» в экранизации Алексея Учителя. Сюжетное варьирование или сверхтекстовое единство?

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

64 *Г.А. Касен,
А.М. Кудайбергенова*

Опыт преподавания с применением инновационных приемов и техник

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. э. н., проф. В.М. Юрьев.
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. э. н., д. психол. н., проф. И.В. Грошев (зам. гл. редактора), д. филос. н., проф. И.В. Налетова (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев, д. филол. н., проф. Р. Гольдт (Германия), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева, д. филос., доцент Дж. Куртис (Великобритания), д. филол. н., проф. Л.В. Полякова, д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина, д. филос. н., проф. Л.А. Пронина, д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг, д. филос. н., проф. О.В. Ромах, д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-61097 от 19 марта 2015 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге агентства ОАО «Роспечать».

Редакторы: Э.Ю. Закомолдина, Т.А. Ковалева, М.И. Филатова.

Редактор английских текстов Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2015. – Вып. 3 (3). – 76 с. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 20.11.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9,22. Тираж 1000 экз. Заказ № 1008. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология», 2015.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

C O N T E N T S

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

- 5 *N.V. Rozenberg* Philosophical aspects of concept understanding “global culture”
10 *K.A. Ryndina* Culturological aspect of relevance in art and peculiarities of culture inheritance

STUDIES OF ART

- 17 *M.V. Nikolskiy* Cultural-philosophic basements of temple art of Egypt
27 *K.V. Filatova* Functionality of culture in decorative painting

LINGUISTICS

- 33 *A.N. Khudanyan* General and private evaluation of interpersonal relationships in the industrial field (on the material of English language)
39 *M.V. Terskikh,
E.D. Malenova* “SIBERIA” concept in the consciousness of representatives of American linguistic culture
50 *M.M. Petrunin* Comparative analysis of nouns in the Romance languages

STUDIES OF LITERATURE

- 57 *I.M. Popova* Zakhar Prilepin’s work of art “The Figure-of-Eight” in film version of Aleksei Uchitel. Plot variation or super text unity?

METHODS AND METHODOLOGY

64 **G.A. Kasen,**
A.M. Kudaybergenova

Teaching experience with the use of innovative methods and techniques

REGULATIONS FOR CONTRIBUTORS

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: V.M. Yuryev, Doctor of Economics, Professor.

EDITORIAL BOARD of the Journal: Doctor of Economics, Doctor of Psychology, Professor I.V. Groshev (Deputy Main Editor), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Nalyotova (Series Scientific Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev, Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Germany), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva, Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Great Britain), Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova, Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina, Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina, Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg, Doctor of Philosophy, Professor O.V. Romah, Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru.

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-61097 from 19 March, 2015.

Subscription index 80303 in the catalogue of the agency JCS “Rospechat”

Editors: E.Y. Zakomoldina, T.A. Kovaleva, M.I. Filatova.

English texts editor E.A. Finaeva.

Computer layout T.Yu. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Philology and culturology. – Tambov, 2015. – Issue. 3 (3). – 76 p. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 20.11.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9,22. Тираж 1000 экз. Заказ № 1008. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2015

© The journal “Tambov University Review. Series: Philology and culturology”, 2015.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.722

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА»

© Наталья Владимировна РОЗЕНБЕРГ

Пензенский государственный университет, г. Пенза,
Российская Федерация, доктор философских наук, доцент кафедры
коммуникационного менеджмента, e-mail: psu_pr@pnzgu.ru

Понятие «глобализация» является ключевым для осмысления изменений, происходящих во всех сферах социальной жизни, начиная с последней трети XX в. Несмотря на это, дискуссия о плюсах и минусах глобализации продолжает оставаться в центре внимания ученых. Увеличивая степень открытости национальных социально-экономических систем, глобализация приводит к необратимым изменениям внутри отдельных национальных культур. Проанализирована проблема глобализации культуры с точки зрения культурологического подхода и рассмотрена существующая вероятность растворения национальных культур в глобальной. В основу методологии исследования положены принципы диалектического метода. Проанализированы культурологические основания глобализации с опорой на концептуальный аппарат, сложившийся в современной философии, социологии и культурологии. Показано, что процесс глобализации не только порождает однообразные структуры в экономике и политике различных стран мира, но и приводит к «глокализации» – адаптации элементов современной западной культуры к локальным условиям и местным традициям. Сделан вывод, что глобальная культура – это одна из форм культуры, существование которой сегодня невозможно отрицать, но глобальная культура не единственная, а существует вместе с национальными, этническими, народными и другими формами культуры, имеет свою структуру и морфологию, выполняет определенные функции и формирует современные ценности.

Ключевые слова: глобализация; культура; глобальная культура; национальные культуры; культурная идентичность.

Современные процессы глобализации представляют собой наиболее спорные и противоречивые тенденции, которые связаны одновременно и с экономическими, и с социокультурными изменениями, влекут за собой создание единого мирового рынка [1]. Несмотря на большое количество теоретических работ, посвященных анализу феномена глобализации, в методологическом плане существуют определенные трудности определения данного концепта. Нельзя не согласиться с С.М. Ларьковым, который в своей статье пишет, что «методология глобалистики сталкивается с принципиальной трудностью выработки нового мышления, более высоких уровней знания на базе качественно иных парадигм обобщения, способных ответить на вызовы постоянно возникающих проблем во всех сферах человеческой деятельности» [2, с. 333].

Тем не менее, глобализация как процесс имеет определенное социокультурное значение, это особый этап развития человечества, который характеризуется особым взаимодействием культур. Ученых волнует вопрос о том, возможна ли глобальная культура и какой она будет? И другой: желательна ли глобализация в сфере культуры? Глобализация – сложный процесс, не всегда привлекательный, но, хотим мы этого или нет, все субъекты, втянутые в глобализацию, должны учитывать рыночные, финансово-экономические и социокультурные изменения, которые она с собой несет. С точки зрения Т.А. Арташкиной, основные тенденции экспликации феномена глобальной культуры в отечественном социогуманитарном знании позволяют обнаружить следующие характеристики этого феномена: во-первых, понятие «глобальная культура» предполагает в своем содержании географический и временной пара-

метры, во-вторых, глобальная культура как социокультурный феномен не является монолитной и, в-третьих, в глобальной культуре как социокультурном феномене возможна стратификация и по социальным слоям, и по национальному признаку [3].

Под глобальной культурой понимают культуру, существующую на огромных пространствах и, безусловно, имеющую свои достоинства и недостатки. К достоинствамистики культуры относят ее доступность, имея в виду чрезвычайно быстрое распространение информации, ориентацию на высокий уровень образования и компетентности, а именно знание иностранных языков, техники и технологии и т. п. Несомненным достоинством глобальной культуры является ее интернациональность, ориентация на разные слои населения и на разные национальности. Как недостаток все исследователи выделяют нивелировку национального разнообразия в культурах и, как следствие, отсутствие диалога культур, существование определенной стандартизации в культуре, а кроме того, приоритет коммерческих массовых образцов. С этим нельзя не согласиться, ведь если культура глобализируется, то диалог культур теряет смысл, он возможен только тогда, когда каждая культура самоценна, вносит свой вклад во всемирную культуру и может чему-то учиться у другой.

Возможно ли, чтобы глобализация в экономике и производственной сфере осуществлялась, а культуры сохраняли свою самобытность, не подвергались процессам глобализации, оставались самостоятельными и независимыми. К сожалению, это невозможно по причине того, что глобализация – не просто экономическое, а более широкое социальное явление, это распространение современных информационных, коммуникационных технологий по всему миру. Это Интернет, телевидение, сотовая связь и прочие феномены, связанные с новыми информационно-коммуникативными технологиями. Любая национальная культура стремится сохранить свои традиционные ценности, несмотря на влияние научно-технического прогресса. Особенно активно такие попытки предпринимают восточные культуры, и в какой-то степени они могут показаться успешными. Как пример, можно привести китайскую, японскую, южнокорейскую культуры. На первый

взгляд, им удастся объединить достижения информационной цивилизации и коренные основания своих культур. Но это только на первый взгляд. На самом деле культурная глобализация и в эти страны принесла новый тип культуры – массовую культуру, которая никогда не сможет ассимилировать с коренной культурой, в частности с конфуцианской этикой. Складывается такая глобальная культура, которая разрушает многие явления, важные для каждой культуры, для человека, который в этой культуре живет, потому что человек вне культуры просто не может существовать [4].

Самым ярким проявлением глобализации стала массовая культура. Зародившись в Америке, она смогла приспособиться к абсолютно разным национально-культурным контекстам не столько потому, что явилась доступной и увлекательной (хотя и этого нельзя отрицать), но и потому, что имела большое техническое превосходство. Роль средств массовой информации в производстве и распространении массовой культуры в современном мире сложно переоценить. Средства массовой информации Америки, давно занимая доминирующее положение в мире, оказывают влияние на образ жизни не только своих соотечественников, но и представителей других культур. Находясь под воздействием американской массовой культуры (фильмов, сериалов, музыки, рекламы и пр.), человек непременно соотносит свою жизнь с предлагаемым образцом, изменяя ее содержание. Однако это не всегда только пассивное восприятие чужих ценностей и смыслов. Массовая культура отдельных стран стала сочетать элементы американской массовой культуры с собственными, тем самым сформировав, если можно так сказать, «местные» массовые культуры с собственными чертами и особенностями, но из-за этого не потерявшими черты «массовости». Практически все элементы массовой культуры существуют в настоящее время во множестве мировых культур, используя особенности массового сознания, их создают средства массовой коммуникации. Это, во-первых, индустрия «субкультуры детства», направленная на формирование стандартизированных норм и образцов личностной культуры, закладывающая основы базовых ценностных установок, поощряемых в данном обществе;

во-вторых, массовая общеобразовательная школа, приобщающая учащихся к основам научных знаний, отбор которых происходит в соответствии с типовыми программами; в-третьих, средства массовой информации, ставящие целью под предлогом информирования населения объективной интерпретации текущих событий, формирование необходимого «заказчику» общественного мнения; в-четвертых, система национальной или государственной идеологии и пропаганды, манипулирующая сознанием граждан в интересах правящих элит и формирующая массовые политические движения; в-пятых, массовая социальная мифология, переводящая сложные, требующие специального изучения и соответствующей научной подготовки явления в пласт обыденного сознания; в-шестых, индустрия рекламы, моды, формирующая стандарты престижных интересов и потребностей, образа стиля и жизни, управляющая спросом рядового потребителя; в-седьмых, индустрия физического имиджа – массовое физкультурное движение, аэробика, культуризм, косметология и т. п.; в-восьмых, индустрия досуга – массовая художественная культура (приключенческая, детективная и бульварная литература, аналогичные жанры кино, оперетта, поп-музыка, шоу-индустрия, цирк, туризм и т. п.), с помощью которой достигается эффект психологической релаксации человека [5, с. 20]. Необходимо повторить, что это не просто некритичное перенесение западных (американских) образцов на национальную почву, а скорее синтез «чужого» и «своего», вполне устраивающего массового потребителя. Это «синтез» не несет никакого содержания, не требует от современного человека протеста, возражения, какой-либо минимальной, хоть немного индивидуальной рефлексии. Информация или минимальна и рафинированна, или построена таким образом, что наиболее возможные варианты реакции реципиента предусмотрены, и мысли его потому всегда направлены в нужном для массовой культуры ключе. Узнать из этой информации ничего нельзя, ее можно просто принять, как раньше принимались догмы и общественные морали. Последнее она часто и воплощает. В этом, пожалуй, и проявляется главная специфика существования современного человека в современном ему информационном обществе:

он все принимает. Он не перерабатывает. Он почти не рефлексировать [6].

Чаще всего, говоря о формирующейся глобальной культуре, понимают ее как глобальную «вестернизацию» и даже «американизацию» национальных культур, имея в виду распространение не лучших образцов американской массовой культуры и стиля жизни. Это утверждение имеет под собой основание, однако было бы упрощением сводить сущность культурной глобализации лишь к этому. Американизация – это не только кока-кола, джинсы и сериалы, это еще и компьютеры, мобильные телефоны и другие важные и полезные гаджеты, открывающие для людей новые возможности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что сегодня глобализация – это не просто вестернизация, а явление гораздо более сложное, связанное с новыми технологиями и влияющее на ряд фундаментальных аксиологических оснований всех культур, в т. ч. и западной. Все культуры сегодня столкнулись с переоценкой базовых установок.

Глобальный мир создал проблемы, которые должны решаться и с помощью культуры, и с помощью человека. Основная проблема – это проблема дегуманизации всего мира, т. е. на сегодняшний день предпочтение отдается не человеку, а технике; экологическая проблема и проблема перенаселения Земли (6,5 млрд человек) грозят истощением ресурсов и, как следствие, грозят здоровью человека модифицированными продуктами питания; и последнее – условием выживаемости в глобальном мире является изменение инженерного мышления, т. е. научного мышления, которое на первый план ставило бы не технику, а духовные приоритеты.

Современные ученые в своих оценках развития сценариев будущего делятся на пессимистов и оптимистов, и те и другие приводят убедительные аргументы и доказательства. Первые придерживаются точки зрения о глубоком кризисе и закате культуры, о чем, по их мнению, свидетельствуют глобальные проблемы, все более углубляющееся социальное расслоение, падение морали и нравственности. Вторые считают развитие современной культуры оптимальным, видят будущее культуры в альянсе с наукой и новыми технологиями. Нельзя не согла-

ситься с тем, что научный прогресс является основой развития современного общества, и вряд ли девиз «назад к природе» сегодня является актуальным. Несмотря на все проблемы современного общества (локальные конфликты, терроризм и пр.), представители оптимистических взглядов отмечают, что проблема дегуманизации современной культуры несколько преувеличена, несмотря на все происходящие процессы в обществе, все так же ценится личность, ее свободы и возможности, она по-прежнему является основой происходящих в обществе изменений. Гуманитарии, высказывающие оптимистические взгляды на предмет глобализации культуры, считают, что научно-технический прогресс и компьютерная революция ускорили процесс культурного сближения народов, не лишая их при этом экономических, политических и культурных различий. Более того, в современном мире расширились информационные возможности и коммуникативное взаимодействие людей. Культура и в новом глобализирующемся обществе сохранит свои функции.

Мы бы не стали придерживаться крайностей, культурная глобализация – это сложный и неоднозначный процесс. Это определенная сфера, которая, так или иначе, но уже существует во всех национальных и региональных культурах. Ее можно обнаружить на философско-культурологическом уровне, анализируя глобальные элементы материально-технологической, технической, духовной сфер, а также в науке и в художественных системах современности. Если перейти к культурологическому анализу различных видов и систем культуры, то глобальную культуру можно понимать не только как сумму неких элементов, а как строгую и сложную иерархию проявления глобального как на высоком уровне, так и на уровне конкретных историко-культурных типов.

О неоднозначности процесса глобализации говорит и тот факт, что сегодня границы между странами и народами становятся все более прозрачными, под вопрос ставится само значение национального государства как основы национальной идентичности. Не случайно проблема идентичности получила в современном обществе новое звучание, сближаясь в коммуникативном пространстве, социальные и этнические общности ощутили

потребность в определении своей культурной и цивилизационной «самости». Еще С. Хантингтон писал, что взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается, что приведет к росту цивилизационного самосознания, углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации [7].

Охватив все страны и народы, глобализация не сделала их автоматически одинаковыми, похожими и равными... Развитие средств массовой коммуникации в одних странах дало доступ к огромным массивам информации, а в других привело к цветным революциям. Культурный обмен в глобализирующемся мире не всегда является эквивалентным. Тем не менее, благодаря научно-техническому прогрессу образцы различных культур становятся доступными широким массам людей, увеличиваются непосредственные контакты носителей разных культурных традиций, смысловое пространство культур расширяется. Как подчеркивает российский философ А.Н. Чумаков: «Глобальный мир, который активно формировался на наших глазах, уже в скором времени потребует эффективного управления, которое будет абсолютно невозможным без наличия общезначимых для всех норм и ценностей и без чего невозможно представить себе будущее общечеловеческой культуры» [8, с. 232]. Территориальные границы между обществами становятся более и более прозрачными, а культурные – фактически размываются. «Носителем» и «творцом» формирующейся глобальной культуры, включающей в себя элементы разных культурных традиций при доминировании западного культурного «первоначала» в виде демократических и рыночных ценностей, а также технологий, потенциально является все человечество. Глобальная культура – это одна из форм культуры, отрицать ее существование бессмысленно; она «одна», но не единственная и существует вместе с национальными, этническими, народными и другими формами культуры. Она имеет свою структуру и морфологию, выполняет определенные функции и формирует современные ценности, и хотим мы этого или нет, но придется воспринимать ее как данность, со всеми ее достоинствами и недостатками.

1. *Налетова И.В.* Социокультурные особенности современных процессов глобализации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 12 (68).
 2. *Ларьков С.М.* Универсальная ценность глобальной культуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: 10 Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2010.
 3. *Арташкина Т.А.* Проблема экспликации понятия глобальной культуры. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/kulturologiya/artashkina.pdf (дата обращения: 02.09.2015).
 4. *Байдаров Э.У.* Влияние глобализации на культуру и ценности человека // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2010. № 3. С. 30-36.
 5. Чего опасаются россияне? // ИНАБ. М., 2008. № 6.
 6. *Дацкевич И.* Феномен массовой культуры. URL: polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf (дата обращения: 27.08.2015).
 7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
 8. *Чумаков А.Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. М., 2006.
1. *Naletova I.V.* Sotsiokul'turnye osobennosti sovremennykh protsessov globalizatsii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2008. Vyp. 12 (68).
 2. *Lar'kov S.M.* Universal'naya tsennost' global'noy kul'tury // Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovlenie global'noy kul'tury: 10 Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya. SPb., 2010.
 3. *Artashkina T.A.* Problema eksplikatsii ponyatiya global'noy kul'tury. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/kulturologiya/artashkina.pdf (дата obrashcheniya: 02.09.2015).
 4. *Baydarov E.U.* Vliyanie globalizatsii na kul'turu i tsennosti cheloveka // Vestnik Bibliotechnoy Assamblei Evrazii. 2010. № 3. S. 30-36.
 5. Chego opasayutsya rossiyane? // INAB. M., 2008. № 6.
 6. *Datskevich I.* Fenomen massovoy kul'tury. URL: polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf (дата obrashcheniya: 27.08.2015).
 7. *Khantington S.* Stolknovenie tsivilizatsiy. M., 2003.
 8. *Chumakov A.N.* Metafizika globalizatsii. Kul'turno-tsivilizatsionnyy kontekst: monografiya. M., 2006.

Поступила в редакцию 23.09.2015 г.

UDC 316.722

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF CONCEPT UNDERSTANDING "GLOBAL CULTURE"

Natalya Vladimirovna ROZENBERG, Penza State University, Penza, Russian Federation, Doctor of Philosophy, Associate Professor of Communicative Management Department, e-mail: psu_pr@pnzgu.ru

The concept "globalization" is a key for understanding of changes, happening in all spheres of social life, started in the last third of XX century, despite this fact the discussion of positive and negative points of globalization is still under attention of scientists. Increasing the degree of openness of national social-economic systems, globalization leads to irreversible changes inside separate national cultures. The problem of culture globalization from the view of culturological approach is analyzed and the existing possibility of national cultures resolution in global is reviewed. The principles of dialectic methods are the basis for methods of research. The culturological basis of globalization, basing on conceptual apparatus, built up in modern philosophy, sociology, culturology is analyzed. It is shown, that the process of globalization does not only creates uniform structures in economy and policy of different countries of the world, but also leads to "glocalization" – adaptation of elements of modern western culture for local conditions and local traditions. It is concluded, that global culture – is one of culture forms, the existence of which is not rejected, but global culture is not the only one, but exists with national, ethnic, folk and other forms of culture, has its own structure and morphology, has definite functions and forms modern values.

Key words: globalization; culture; global culture; national cultures; cultural identity.

УДК 008

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АКТУАЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ И ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

© Кира Александровна РЫНДИНА

Тамбовская областная картинная галерея, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат культурологии,
зав. отделом научно-просветительской и экскурсионной работы,
искусствовед, член Союза художников России,
e-mail: kira_ryndina@mail.ru

Исследование ценностно-ориентационных составляющих художественной культуры и духовной жизни общества в целом в данный период позволит приблизиться к наиболее точному, глубинному пониманию общественных процессов в культуре России, осознания сути происходящего и роли в этом искусства и философии, выявить позитивные факторы формирования ментальности общества. Анализ показал, что одним из важных аспектов изучения специфики ценностно-ориентационных составляющих художественной культуры является вопрос культурного наследования. Сформировано представление о понимании: от того, какого типа ценности духовной и материальной культуры будут унаследованы, посредством каких алгоритмов они будут адаптированы к современным условиям, зависит состояние современного социума и его будущего. Доказано, что в современный период развития российского общества надо констатировать разбалансированность системы ценностно-ориентационных составляющих художественной культуры либо отсутствие ряда составляющих и наличие негативной специфики воздействия на реципиента. Но, в соответствии с теорией смены циклов культуры, в сложные периоды, сопровождающиеся состоянием бифуркации, возникает тенденция антитезы. А по сути, обращение к устойчивым традиционным ценностям. Эмпирика выставочной деятельности молодых художников, экспонировавшихся как в Центральном доме художников, так и в провинции, показывает, что протестная волна проходит, концептуальные проекты так же не столь популярны, особенно в регионах. Не без удивления можно констатировать интерес студентов художественных учебных заведений, их выпускников и потенциальных абитуриентов к реалистическому методу, к реальным темам и сюжетам, некоторые из которых восходят к искусству прошлого, что тоже симптоматично. В данном случае прослеживается тенденция к восстановлению общечеловеческих гуманистических ценностно-ориентационных составляющих художественной культуры.

Ключевые слова: отечественная художественная культура; культурное наследование; механизмы наследования культуры; культурные ценности; духовно-нравственная развитость; ценностно-ориентационные составляющие; идеалы.

Важным аспектом исследования специфики современного состояния отечественной художественной культуры является проблема его отношения к культурному наследованию. Для более глубинного понимания этого вопроса необходимо обратиться к другим ситуационно схожим эпохам.

Процесс освоения, наследования культурных ценностей имеет большое значение для понимания специфики художественной культуры данного периода в целом. От того, какие ценности культуры будут унаследованы, посредством каких алгоритмов они будут адаптированы к современным условиям, зависит нравственное состояние современного социума и идентификация в мировом культурно-политическом пространстве на многие десятилетия.

«Укрепление культурной идентичности рассматривается как укрепление... нацио-

нального уровня защиты, опирающегося на систему национальной культуры и включающего системы защиты правопорядка и национальной обороны» [1, с. 9].

Видный представитель современной философской мысли, ее культурологического направления И.К. Кучмаева посвятила большую часть своих работ изучению культурного наследования, выявив важность этой проблемы. В частности, в книге «Социальные закономерности и механизмы наследования культуры» подчеркивается: «...принципиально важным основанием для постижения специфики действия наиболее актуальных механизмов наследования культуры выступает рассмотрение культуры как способа бытия людей, глубинных, качественных характеристик этого бытия. Поэтому, размышляя о механизмах наследования культуры, мы имеем в виду далеко не только наиболее эффектив-

ные способы познания культурных ценностей, но в равной мере адекватные механизмы практического преобразования повседневной жизни на основе воспитания человека историей, глубокого восприятия им культурных гуманистических традиций прошлого» [2, с. 163].

Оценивая процесс наследования культуры как средство и, в конечном итоге, цель гуманизации человека, развитие можно соотносить с богатством преемственных связей индивидов, что определяет уровень культурной, духовно-нравственной развитости общества; с готовностью каждого члена общества, а главное и Художника, как поделиться лично освоенным богатством культуры прошлого, так и, что главное, необходимо именно творцу противостоять появляющимся деструктивным тенденциям в обновленческом порыве, т. к. произведение искусства вовлекает зрителя, слушателя.

Эмоциональным, образно-трансформированным концентратом культуры любого общества является художественная культура. Особенность эмоционально-чувственного состояния социума отражается посредством художественной культуры: комплекс ощущений передает художник и часто непреднамеренно через свое отношение к каким-либо процессам и явлениям политически формирует отношение к культуре, отношения творческой интеллигенции и другой большой части общества, создавая социально-адаптированные артефакты. И закономерно в объективных процессах играет большую роль субъективное начало.

Субъективное эмоциональное состояние творца определяет эмоциональное состояние социума и образно интерпретированные ценностные инновации материализуют общественную коллизию, также являясь ее катализатором. Л.Н. Толстой отдельно обращал внимание на специфическую действенность искусства, выделяя признак, отличающий истинное искусство от поддельного, его «заразительность». Л.Н. Толстой подмечает казалось бы незаметное качество искусства – полное слияние слушателя, зрителя с художником, ощущение слияния с сопереживающими другими людьми. В этом видит Л.Н. Толстой большую силу искусства [3].

И в этом контексте важно имманентно качественное возрастание стиля мышления и

особенность эмоционального строя людей, проникнутых оптимизмом в глубоком восприятии и обязательном внедрении ценностей мировой культуры.

Надеясь на конструктивное обновление на каждом новом этапе развития социума, логично рассчитывать на появление все более совершенных артефактов культуры, но немало примеров обратного. «В прошлой и современной истории есть немало свидетельств о том, что развитие материальной базы культуры, открытие новой суммы ценностей нередко сопровождалось регрессом в самом институте культуры, а порой соседствовали с истреблением идеальных запросов человека» [2, с. 164]. Современная ситуация с трансформацией ценностно-ориентационных составляющих художественной культуры, частая подмена идеалов в произведениях любого вида творчества, формирующих представление человека о ценностях, становится опасной. Эта подмена происходит во множестве дорогостоящих шоу-проектов, в которых чаще отсутствуют нравственные императивы. В этих случаях не идет речь о ценностном наследовании, а ведь художественная культура, особенно российская, сильна традициями. От степени развитости и поддержания их зависит общий уровень культуры социума, нравственное здоровье ментальности. Важную роль в совершенствовании даже обыденной культуры призвано сыграть искусство. Как отмечалось, именно посредством эмоциональной сферы искусство специфическим образом вовлекает в мир переживаний, воздействуя на обыденную культуру, являясь специфическим механизмом воздействия на нее, донося в доступной форме ценные идеи до сознания многих. Имеет место и обратное влияние. И обыденная культура с ее традиционными процессами формирует направления теоретической мысли, далее тенденции, в искусстве. В фундаментальной науке эта проблема нашла отражение: «Сегодня со всей определенностью заявил о себе подход, противоположный издавна сложившейся традиции: проблемы, порождаемые на уровне обыденной культуры, все более побуждают к теоретическому решению их в специализированных сферах культуры, а затем к внедрению в практику обыденной жизни полученных научных результатов. Это, в свою очередь, повышает

социальную значимость специализированных институтов в качественном преобразовании и наполнении обыденной культуры» [4, с. 70]. Нынешнее время диктует новые требования в отношении к культурному наследию, обусловленные предыдущими сложными историческими ситуациями, и определяет сегодняшний взгляд на них. Новизна взгляда на культуру прошлого связана с тем, что ее ценности и закономерности развития анализируются прогрессивно мыслящей частью человечества в контексте интегративных процессов, в плане достижения общности представлений по ряду фундаментальных для человечества вопросов.

Изучение закономерностей и механизмов наследования культуры приобретает особую значимость в условиях расширяющегося социокультурного проектирования. Необходимо понимание главных направлений в функциональном использовании культурного наследия. Современное общество нуждается в определении алгоритмов освоения культурного наследия социумом, посредством средств массовой информации, в конструктивном анализе объектов культурного наследия, определении их ценностной позитивности, в возрождении и сохранении национальных артефактов, нравственных императивов наследия – выявлении суммы нравственных ценностей, которая станет основанием и составной частью этических кодексов профессиональной деятельности и обыденной жизни.

«Однако было бы неверным художественную жизнь в массовом обществе сводить исключительно к массовой культуре. Художественная жизнь в городах на том этапе, когда происходит становление массового общества, является предельно плюралистичной. Образование внутри общества множества групп и субкультур становится причиной и возникновения разного типа художников». [5, с. 150]. «История искусства не может быть только историей создания шедевров и творчества гениев, эти шедевры создающих. Это одновременно и история культуры» [5, с. 150].

В контексте современной духовной жизни необходимо осмыслить фундаментальные теоретические положения выдающихся отечественных мыслителей прошлого, выявить наиболее гармоничные фрагменты культурного наследия, определить их как концепцию

развития общества для создания гармоничного будущего.

Современный же художественный процесс крайне многообразен в концептуальном отношении, в нем много поискового и радикального. Следовательно, он весьма динамичен, многоаспектен и постоянно выплескивается за пределы «дозволенного», балансирует на грани «искусство – неискусство». Анализировать этот процесс сложно. Но необходимость существует, т. к. негативные тенденции в современном художественном развитии приобретают черты не только массовости, но и наступательной агрессивности.

Сегодня в творческой элите усиливается тяга к эксперименту, различным художественным вариациям, поисковым возможностям искусства, что позволяет сделать вывод о возрастании игрового начала в искусстве эпохи. Доминирует в нем субъективизм. Характерными чертами культуры, искусства нынешнего периода является отсутствие определенности мировоззренческих позиций. Представления о картине мира весьма противоречивые, что отражается в искусстве.

«Взаимодействие между художником и публикой разворачивается не в вакууме. Но оно и не сводится ни к идеологическим ориентациям, ни даже к художественным процессам. Оно происходит в контексте культуры. Культура определяет восприятие как социальных групп, субкультур и личности не только в сфере искусства, но в т. ч. и в сфере искусства» [6, с. 53].

Имманентными для искусства современности являются такие процессы, как размытие видовых и жанровых границ, тенденция к синтезу искусств. Преобладание субъективной метафоричности художественных образов, иронического начала выдающийся теоретик искусства XX в. Ж. Бодрийяр определил термином «заговор, или преступление посвященных». Иногда это можно назвать эффектом «голового короля», что характеризуется отсутствием базового нравственного аппарата и желанием выдать несовершенную форму за новое актуальное искусство [7, с. 12].

Эти явления декларируются как свобода творчества, проявление свободной личности в искусстве. На то обращали внимание мыслители еще в начале XX в. Выдающийся русский философ И.А. Ильин предостерегал: «Да, свобода нужна искусству, как воздух

человеку: ибо свобода есть право творить *по вдохновению*, а не по принуждению и заказу. Но разве свободное вдохновение означает *безответственность и вседозволенность*? Разве художник, предоставленный своему вдохновению, имеет духовное право на произвол и беспутство? Разве вдохновение есть художественная распушенность и бесчинство? Не есть ли вдохновение, наоборот, *прозрение высших закономерностей и совершенных связей*? Не есть ли оно обретение подлинной *художественной необходимости*?...» и «Художник должен творить свободно – отнюдь не бессовестно, не произвольно» [4, с. 250, 259].

Обращаясь сегодня к интенции о свободе личности, свободе творчества, как соотнести с попытками отказать в праве на жизнь традиционному искусству с помощью информационной блокады, о чем упоминали еще бывшие диссиденты В.Е. Максимов, А.А. Зиновьев и другие близкие им по духу исследователи. Обостренным было восприятие этих проблем в нестабильный период перемен начала 90-х гг. XX в. В первой четверти XXI в. проблема не исчезла, принципиально не изменилась, лишь незначительно трансформировалась сообразно реалиям периода.

Зарождающаяся потребность общества в приобщении к духовным ценностям сейчас получает возможность реализации на новом уровне, посредством соприкосновения с артефактами культуры прежних эпох через передовые технологии, появление новых концепций соответствующих общественных институтов, призванных формировать классический стиль наследования, поддерживать его. В числе других надо говорить о музеях. Так как сама деятельность музеев и есть механизм формирования наследования культуры. Музей, по сути, – продолжатель духовных традиций прошлого. И свойство не должно выливаться в статичную самость, но многосоставной динамичный процесс, вовлекающий в свою орбиту все более юные поколения.

Тем более представляется важным формирование культуры студенческой молодежной аудитории в широком понимании. В частности, важной составляющей является духовное, эстетическое и творческое совершенствование. Вовлечение в творческий процесс даже без постижения профессиональных вы-

сот для широкого круга является значительным развивающим фактором. И возникающая после длительного периода «безвременья» с размытыми представлениями о нравственных и эстетических нормативах переходного периода в нашем государстве конца XX – начала XXI в. потребность представителей молодежных субкультур в овладении духовными ценностями сегодня получает возможность реализации. Учебные заведения разного уровня, просветительские структуры общества обязаны расширить, удовлетворить появляющуюся еще не явно позитивную тенденцию нового поколения. В той сложной ситуации, в которой сегодня объективно оказалось высшее образование, представляется необходимым не сворачивать, а расширять сферу профессионального творческого образования. Необходимой конструктивной составляющей образовательного процесса является приобщение обучающихся к восприятию произведения искусства (от архитектуры до самого камерного вида искусства (миниатюра, экслибрис и подобное)). Это приобщение должно включать и постижение основ истории (вплоть до всемирной), и истории изобразительного искусства, и освоение технологических особенностей создания различных произведений искусства, и, безусловно, соприкосновение с подлинником и осознание его значимости. Ведь сугубо специфические изобразительные свойства: колористическая разработка световоздушной среды, соответственно, структура мазка, характер линии и другие неотъемлемые составляющие – создают особую атмосферу произведения, вовлекающую юного зрителя, студента в сопереживание состоянию, даруемого произведением искусства, делающим зрителя участником этого эмоционально-нравственного потока, о чем говорил Л.Н. Толстой. И это ощущение сопричастности к образному миру произведения искусства никогда не сможет имитировать даже самый совершенный в техническом исполнении постер, так популярный сегодня. Общение с подлинником особенно творческого молодого человека пробуждает потребность к аналогичной самореализации, желание созидать. Оценка значимости творческой деятельности в процессе соприкосновения с артефактами мотивирует к собственно творчеству, желанию посвятить себя творческой профессии, про-

фессиональному росту, что способствует и личностному совершенствованию, освобождению скрытых возможностей. Это приобщение к подлиннику возможно посредством включения студентов в музейную среду, атмосферу, созданную благодаря наличию коллекции произведений выдающихся мастеров прежних столетий, шедевров мирового искусства великих эпох. Это является важным компонентом художественного образования. Необходимо подчеркнуть то, что произведение – это свидетель, участник истории, дошедшей до нас через переживание и его материализацию художником с помощью мира образов. А молодой человек, получающий творческое профессиональное образование, видит в жизнеспособности произведения, прошедшего сквозь века, актуальность и востребованность деятельности художника, своей деятельности.

Большое значение в формировании нравственной и профессиональной позиции творческой молодежи имеет включение в выставочный процесс. Общение с художниками: ровесниками, а особенно старшими коллегами в выставочном пространстве (или рабочем пространстве (в мастерской)), обогащает. Значение проведения мастер-классов нельзя переоценить. Необходимо постижение творческой лаборатории профессиональных художников – представителей различных видов искусства.

Вышеизложенные выводы стали возможны вследствие эмпирического исследования.

Примером в этом контексте может служить многогранная деятельность Тамбовской областной картинной галереи.

«Возрождены и поддерживаются на протяжении последних десятилетий упомянутые культурные традиции тамбовских усадеб. Сегодня галерея является просветительским и коммуникативным центром, стремящимся к синтетическим формам деятельности» [8, с. 222]. Традиции прошлого и живой процесс сегодня отличают совершенствование стиля наследования культуры одного из важнейших культурных центров региона.

Подтверждением того служит практика 2012–2015 гг. по созданию и реализации интегративных проектов «Нестандартное занятие» (совместный социокультурный проект картинной галереи и Лицея № 6 г. Тамбова),

«Молодая волна» (картинной галереи и молодежного творческого объединения с одноименным названием) и «Лаборатория творческого опыта» для формирования культурной среды молодежи, развития и реализации профессиональных творческих навыков. Конструктивным результатом деятельности картинной галереи последних лет явилась выставка с одноименным названием «Молодая волна».

Организаторами была изначально задана большая возрастная и профессиональная амплитуда, ведь основная цель выставки выявить одаренную, социально активную молодежь, создать условия развития юных талантов. Объединяет участников желание расти и достигать профессиональных вершин. Но никак ни желание встать в оппозицию к ранее созданному в искусстве, как упомянуто выше.

На выставке впервые за много лет были представлены разные виды и жанры искусства. Во многих работах присутствует ощущение поиска авторов. Поиска своего изобразительного языка, любимого жанра. Отрадно, что присутствуют такие сложные жанры, как портрет, жанровая картина. Присутствуют и работы «пограничных жанров», картины-размышления.

Но главной особенностью выставки в контексте обсуждаемой темы является основная тенденция: приверженность традициям русского реалистического искусства большинством юных художников. И в этой преемственности видится залог устойчивого развития.

Экспонирование выставки явилось поистине живым творческим процессом. Событийный спектр был разнообразен. Прошли многочисленные и разноплановые мастер-классы, творческие встречи, обсуждения выставки и мн. др. Результативным стали мастер-классы мастеров декоративно-прикладного искусства г. Тамбова: художника-монументалиста, заслуженного работника культуры РФ Н.Л. Мильченко и художника-керамиста А.И. Щербакова, заслуженных художников РФ В.В. Сизова и П.Ю. Золотова, художника-иконописца, графика, директора Детской художественной школы № 2 прикладного и декоративного искусства им. В.Д. Поленова, заведующего кафедрой сценических и изобразительных искусств

Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина М.В. Никольского [9, с. 222]. Выставка стала не только активной эмоциональной художественной средой, которая широко привлекает представителей различных молодежных субкультур, но и важным показателем желаемого уровня наследования культуры, ее нравственно-эстетических императивов. Московские молодежные выставки, проходящие в Центральном доме художников, также удивляют стремлением обратиться к устойчивым традиционным идеалам.

Таким образом, с удовлетворением можно констатировать: складывается творчески и социально активный социум, очевидно, призванный сыграть важную роль в формировании позитивного, конструктивного будущего нашего региона.

Эмпирически доказано, что при создании условий для реализации творческой личности в частности и поколения молодых в целом конструктивные тенденции эволюционирования ценностей составляющих художественной культуры сыграют определенную позитивную роль в совершенствовании общественных отношений, ментальности и цивилизации в целом. «Прагматические образовательные тенденции приводят к обеднению эмоциональной сферы. Обновление, возврат к некоторым традициям, изучение великих возможностей, которые дает нам наследие нашей культуры, — это те задачи, которые предстоит решать как практикам, так и теоретикам культуры, а от их решения будет зависеть, какой будет культура нашего века» [10, с. 10].

1. Куц В.А. Культурная идентичность как способ реализации защитных функций культуры // *Культура культуры*. 2015. Вып. 4. URL: <http://cult-cult.ru/protective-functions-of-culture/> (дата обращения: 10.09.2015).
2. Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М., 2006.
3. Идеалы и действительность в русской литературе // *Учитель словесности*. 2014. 17 июня. URL: http://uchitel-slovesnosti.ru/publ/idealy_i_deystvitel'nost'_v_russkoj_literature/151-2 (дата обращения: 10.09.2015).
4. Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993.
5. Хренов Н.А. Искусство в исторической динамике культуры. М., 2015.

6. Хренов Н.А. Взаимодействие между искусством и культурологией: методологический и исторический аспекты // *Культура культуры*. 2015. Вып. 4. URL: <http://cult-cult.ru/the-interaction-between-art-studies-and-cultural-studies/> (дата обращения: 10.09.2015).
7. Рындина К.А. Специфика ценностно-ориентационных составляющих художественной культуры переходных периодов в истории России (на материале конца XIX – начала XXI в.): автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2008.
8. Флиер А.Я. Социальная реальность глазами культуролога // *Культура культуры*. 2015. Вып. 1. URL: http://cult-cult.ru/social-reality-as-viewed-by-a-culturologist/#search_mark_социальная_реальность (дата обращения: 10.09.2015).
9. Рындина К.А. Особенности стиля наследования культуры в условиях провинциального художественного музея // *Стиль наследования культуры: сборник научных статей*. М., 2009.
10. Шапинская Е.Н. Культура в эпоху «цифры»: культурные смыслы и эстетические ценности // *Культура культуры*. 2015. Вып. 3. URL: <http://cult-cult.ru/sny-prospero-rasskazannyye-yazykom-sovremennoj-muzyki-fantasmagoriya-tomasa-adesa/> (дата обращения: 10.09.2015).

1. Kuts V.A. Kul'turnaya identichnost' kak sposob realizatsii zashchitnykh funktsiy kul'tury // *Kul'tura kul'tury*. 2015. Vyp. 4. URL: <http://cult-cult.ru/protective-functions-of-culture/> (data obrashcheniya: 10.09.2015).
2. Kuchmaeva I.K. Sotsial'nye zakonomernosti i mekhanizmy nasledovaniya kul'tury. M., 2006.
3. Idealy i deystvitel'nost' v russkoy literature // *Uchitel' slovesnosti*. 2014. 17 iyunya. URL: http://uchitel-slovesnosti.ru/publ/idealy_i_dejstvitel'nost'_v_russkoj_literature/151-2 (data obrashcheniya: 10.09.2015).
4. Il'in I.A. Odnokiy khudozhnik. M., 1993.
5. Khrenov N.A. Iskustvo v istoricheskoy dinamike kul'tury. M., 2015.
6. Khrenov N.A. Vzaimodeystvie mezhdu iskusstvoznaniem i kul'turologiey: metodologicheskii i istoricheskii aspekty // *Kul'tura kul'tury*. 2015. Vyp. 4. URL: <http://cult-cult.ru/the-interaction-between-art-studies-and-cultural-studies/> (data obrashcheniya: 10.09.2015).
7. Ryndina K.A. Spetsifika tsennostno-orientatsionnykh sostavlyayushchikh khudozhestvennoy kul'tury perekhodnykh periodov v istorii Rossii (na materiale kontsa

- XIX – nachala XXI v.): avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. M., 2008.
8. *Flier A.Ya.* Sotsial'naya real'nost' glazami kul'turologa // Kul'tura kul'tury. 2015. Vyp. 1. URL: http://cult-cult.ru/social-reality-as-viewed-by-a-culturologist/#search_mark_sotsial'naya_real'nost' (data obrashcheniya: 10.09.2015).
9. *Ryndina K.A.* Osobennosti stilya nasledovaniya kul'tury v usloviyakh provintsial'nogo khudozhestvennogo muzeya // Stil' nasledovaniya kul'tury: sbornik nauchnykh statey. M., 2009.
10. *Shapinskaya E.N.* Kul'tura v epokhu "tsifry": kul'turnye smysly i esteticheskie tsennosti // Kul'tura kul'tury. 2015. Vyp. 3. URL: <http://cult-cult.ru/sny-prospiero-rasskazannye-yazykom-sovremennoj-muzyki-fantasmagoriya-tomasa-adesa/> (data obrashcheniya: 10.09.2015).
- Поступила в редакцию 10.11.2015 г.

UDC 008

CULTUROLOGICAL ASPECT OF RELEVANCE IN ART AND PECULIARITIES OF CULTURE INHERITANCE

Kira Aleksandrovna RYNDINA, Tambov regional Art Gallery, Tambov, Russian Federation, Candidate of Culturology, Head of Scientific-Educational and Excursion Work Department, Arts Critic, Member of Russian Artists Union, e-mail: ki-ra_ryndina@mail.ru

The study of value-orientation components of the art culture and spiritual life of the society, in general, in this period, will come close to the most accurate depth understanding of social processes in the culture of Russia, awareness of the essence of current events and the role of art and philosophy in it, to identify positive factors of the formation of the mentality of society. The analysis showed that one of the important aspects of value-orientation components specificity study of art culture is a question of cultural inheritance. An idea of understanding is formed: that the state of modern society and its future depend on type of spiritual and material culture value that will be inherited and their adaptation algorithms to modern conditions. It is proved that in the modern period of Russian society development, it is necessary to note either the system imbalance in value-orientation components of the art culture or the absence of a number of components and the presence of negative specificity of influence on the recipient. But, in accordance with the theory of cycles change of culture, there is a tendency of the antithesis in difficult periods accompanied by bifurcation. Indeed, access to sustainable traditional values. Empirics of exhibition activity of young artists both in the Central House of Artists and in the provinces shows that the protest wave passes, conceptual projects are not so popular, especially in the regions. It could be noted without any surprise of interest of art schools students, graduates and potential entrants to the realistic method, to real themes and subjects, some of which date back to the art of the past, which is also symptomatic. In this case, there is a tendency to restore universal humanistic values-orientation components of the art culture.

Key words: domestic art culture; cultural inheritance; inheritance mechanisms of culture; cultural values; spiritual and moral development; value-orientation components; ideals.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7.01+7.032(32)

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ХРАМОВОГО ИСКУССТВА ЕГИПТА

© Михаил Викторович НИКОЛЬСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
профессор, зав. кафедрой сценического и изобразительного искусства,
член Союза художников России, член МОА «Союз дизайнеров»,
председатель Тамбовского регионального отделения
«Союз педагогов-художников», e-mail: timnik2004@rambler.ru

Рассмотрены культурфилософские и сущностные основы коптского (египетского) искусства, храмоздательство и исторические предпосылки формирования египетского духовно-художественного языка. Объяснены особенности монофизитства как художественно-духовной концепции в развитии коптского искусства. Выявлены художественные особенности монофизитских конфессий, это коптская, эфиопская и армянская церкви. Данные особенности заключаются в простоте и архаичности изображений, а также трансформации фигур святых по принципу их духовного совершенствования. Представлена особая символика коптского художественно-иконописного творчества, это аутентичные изображения Христа, Богородицы, Святых и Ангелов. Проанализированы особенности художественно-выразительного языка коптской иконописи, который определяется темными фонами, лаконизмом и простотой складок на одеждах, увеличенной формой глаз и уменьшенной формой рта у святых. Выявлены основные композиционные особенности коптской иконописи, которые были сформированы до сегодняшнего дня. Проиллюстрированы основные позиции коптского искусства современными репродукциями икон и изображений. Определены древнеегипетские истоки пластического языка коптской иконописи. Особое внимание уделено художественным памятникам христианского монастыря Антония Великого. Также рассмотрены христианские святыни самого древнего православного монастыря Святой Екатерины на Синае. Сделаны основные выводы и обобщения.

Ключевые слова: коптское искусство; первохристианское искусство; праздник преображения Господня; базиликальное строение храма; средневизантийский период в изобразительном искусстве; шестикрылые Серафимы; восточнохристианские церкви; монофизитские церкви; египтология; скульптурные изображения; плоскостные изображения; силуэтность; архитектура; композиция иконы; иконописный канон; художественная выразительность; иконописный символ; иконичность образа.

Тревожные события, происходящие на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вызывают обеспокоенность за то культурное наследие вселенского значения, которое имеют такие страны, как Тунис, Египет, Иордания, Сирия, Ливия и Йемен. Уже произошли акты вандализма по отношению к культурным ценностям в Каирском музее, разрушены античные храмы Сирии и монастыри г. Алеппе. Немногочисленные христианские общины мусульманского мира также обеспокоены сменой существующей власти в связи с уничтожением того, пусть относительно, но мира и порядка, который имеет-

ся на сегодняшний день. Поэтому сейчас наиболее важно говорить и указывать на ценностные категории искусства Ближнего Востока и Северной Африки.

В мире существует значительное разнообразие различных форм и видов религиозного искусства, задачей которого всегда остается выражение доступными для человека способами через символы рассказать о высшем мире и указать на возможность его обретения. Христианские конфессии, в сущности, также имеют своей целью привести человека к Богу, но утверждают, что это невозможно без крестной жертвы Иисуса Христа.

Искусство любой конфессии своими возможными средствами проповедует христианские постулаты для своих членов.

Восточно-христианские церкви, которых существует достаточно много, также активно используют искусство в своих религиозных воззрениях и проповеди высших ценностей. Особую роль в жизни всего христианского Востока (а точнее Ближний Восток, Малая Азия, Северная Африка) играют т. н. монофизитские церкви, к которым относят Эфиопскую, Армянскую и Коптскую. Исторически эти конфессии сложились после церковного раскола 451 г., т. к. не приняли решений Вселенского Халкидонского собора, где был установлен догмат о том, что во времена земной жизни Иисуса Христа его божественное и человеческое начала были в равных долях. Монофизиты считают, что божественного во времена жизни Христа было больше, чем человеческого. Далее становится очевидной разница в богословском учении монофизитов по сравнению с православными конфессиями.

Коптская церковь в ряд монофизитских попала еще по двум причинам: во-первых, представители коптов не присутствовали на Халкидонском соборе, а во-вторых, в связи со слишком активной проповедью греческой церкви на территории Египта копты (название «копт» происходит от греческого «айгюптос», что означает просто «египтянин») по политическим причинам не приняли греческого религиозного руководства. При этом, помимо коптской церкви, к которой принадлежит 15 % населения современного Египта, существует т. н. Александрийская церковь, члены которой называют себя ортодоксами, т. к. принадлежат к «греческому исповеданию». Кстати, Русская православная церковь с Александрийской церковью имеет каноническое общение. Патриарх Кирилл отслужил Божественную литургию в г. Александрии (2010 г.) в Благовещенском соборе вместе с Блаженнейшим Патриархом Александрийским и всей Африки Феодором II [1, с. 176-177].

Также на территории Египта (полуостров Синай) расположен древнейший православный монастырь Святой великомученицы Екатерины. «Впервые монастырь Святой Екатерины упоминается в хрониках патриарха Евтихия Александрийского, жившего в

IX в.: в них рассказывается о том, что св. Елена, мать императора Константина, потрясенная святостью этих мест, в 330 г. приказала построить небольшую часовню, посвященную Богородице, на месте Неопалимой Купины» [2, с. 4].

Здесь в IX в. были обнаружены мощи св. Екатерины, которые по сей день хранятся в соборном храме Преображения Господня. «С приходом мусульманства на Синай, монахи были вынуждены разрешить построить мечеть на территории монастыря, т. к. пророк Моисей почитается и арабами. Эта мечеть стоит на высокой площадке напротив западного фасада – Собора Преображения, а ее минарет возвышается вблизи от колокольни» [3, с. 215]. После завоевания Египта арабами монастырь стал оплотом христиан. При этом есть сведения о том, что сам пророк Мухаммед в 625 г. покровительствовал монастырю и даровал специальную охранную грамоту (копия которой по сей день хранится в монастыре).

Политическая и географическая удаленность монастыря сохранила его уникальное собрание икон от иконоборцев VIII в. Собрание византийских икон (т. н. средневизантийского периода) считается самым значительным в мире и по сей день, привлекает множество исследователей.

В коллекции икон синайского монастыря имеются редчайшие произведения, выполненные в художественной (еще античной) энкаустической технике, это «Спас Синайский» VI в. и «Пресвятая Богородица» [4, с. 104-106]. Синайский монастырь Святой Екатерины является самой маленькой епархией в мире. На сегодняшний день братия монастыря – это 21 монах во главе с архиепископом.

Уникальным является соборный храм монастыря Преображения Господня. «Базилика сохранила до сих пор немалую часть украшений VI в. Среди них и стенная мозаика с изображением Преображения Господня, которая покрывает абсиду и находящийся над ней свод» [5, с. 9]. Мозаика ранневизантийского периода выполнена на высоком художественном и техническом уровне. В начале XXI в. мозаики были отреставрированы, и стало ясно, что византийские мозаичисты имели высокий уровень мастерства, они могли решать не только композиционные, но и

объемно пространственные задачи. Безусловно, что греческий монастырь св. Екатерины активно влиял на Египетскую христианскую церковь и на коптское искусство в частности. Не случайно образ Спаса Синайского [6, с. 137] можно встретить практически во всех коптских храмах и монастырях.

На протяжении всей истории Коптской церкви было весьма непросто выживать в мусульманском мире. По сей день самые древние в мире монастыри Антония Великого и Павла Фивейского терпят лишения со стороны мусульман. По-разному можно относиться к коптам, но важно помнить о месте и роли египетской христианской церкви в истории всего христианства: два из четырех канонических Евангелия были написаны по просьбе египтян; в Египте на протяжении 4 лет скрывалось Святое семейство; здесь в Египте родилось монашество; египтяне практически сразу же приняли христианскую религию; и, наконец, коптская церковь считается Апостольской, т. к. здесь проповедовал Апостол и Евангелист Марк, который написал свое Евангелие на папирусе. Благодаря крепкой вере и сохранению традиций копты – это единственная социально-религиозная организация, которая в своей практике сохранила древнеегипетский язык (рис. 1), на котором идут церковные службы. Это тот самый «язык фараонов», который так подробно изучают египтологи. Необходимо упомянуть и о египетском язычестве, где мы также находим первые в мире зачатки монотеизма. Нам известно, что т. н. фараон Эхнатон отменил всех языческих богов, оставив лишь одного «главного» и единственного бога Атона. Кстати сам Эхнатон имел одновременно и женские и мужские черты в своих скульптурных изображениях (рис. 2) [7, с. 39].

Все эти предпосылки, географическое расположение и непосредственное участие в евангельских и раннехристианских событиях позволили создать египтянам одну из первых Апостольских церквей, которая существует и сегодня. Безусловно, что за века существования возникло множество изменений и нововведений в церковную догматику и образ жизни коптов.

Церковно-изобразительное искусство Египетской церкви также имеет свои особенности и неповторимый художественно-образный колорит. Данное обстоятельство выра-

Рис. 1. Изображение древнеегипетского языка, выполненное на папирусе

Рис. 2. Изображение фараона Эхнатона

жено в архитектуре и фресках Египетских монашеских обителей, это монастыри Антония Великого, Павла Фивейского, Св. Мины, Эль Шухада (святых мучеников), Св. Псоа и т. д. Известно, что монашество пришло в мировую культуру, а точнее от первого монаха мира Антония Великого. «Монастырь Антония Великого – это древнейший монастырь в мире. Он был основан св. Антонием, ставшим духовным отцом всех монахов, этот монастырь стал образцом для всех последующих поколений монахов» [8, с. 5].

В монастыре мы находим древнейшие фрески, которые сохранились в коптской церкви, их можно увидеть в храме Антония Великого IV в. (рис. 3). Фрески выполнены на основе местных пигментов и имеют в своей основе красновато-охристый колорит с добавлением желтых и малахитовых тонов. Сохраняются древние изводы изображений Пресвятой Богородицы (в полный рост), относящейся к иконографическому типу «Знамение», сидящей на престоле, а также образ Иисуса Христа на престоле – тип «Господь Вседержитель». В данных росписях явно прослеживается местная художественная традиция. Помимо цвета, это особая коптская декоративность и архаичность всей структуры изображений (это улыбка Богородицы, изображения глаз и разновеликость изображений) (рис. 4).

Ангелы в коптской иконографии имеют свои особенности. В своеобразных подкрылках имеется множество глаз, а также на четырех животных вокруг образа Спаса на престоле: «И вокруг престола – четверо животных, исполненных очей спереди и сзади» [8, с. 27]. Также интересно и неповторимо изображение креста, на нем накинута плащаница Господня (фреска VII в.). Также подобное изображение имеется в монастыре Эль Шухада на внешней стене одного из храмов [9, с. 40].

Все изображения монастыря Св. Антония Великого явно перекликаются с искусством ранне- и средневизантийского периода. При этом есть местные неповторимые изображения, такие как образ Христа в окружении двенадцати апостолов храма Антония Великого, вышеупомянутые Серафимы «исполненные очей», коптские четырехгранные кресты и т. д.

Но самым неповторимым элементом целостного коптского искусства являются

древние глинобитные храмы, это соборный храм и колокольня Монастыря Римлян в Нитрийской пустыне, башня и храм монастыря Антония Великого, монастырь Георгия Победоносца за Луксором. Также неповторима храмовая архитектура коптов Нового времени, это церковь Симеона Кожевника в квартале мусорщиков города Капра, архитектурный ансамбль монастыря Святого Мины, здание коптской Патриархии в Александрии, врата монастыря Антония Великого, храм

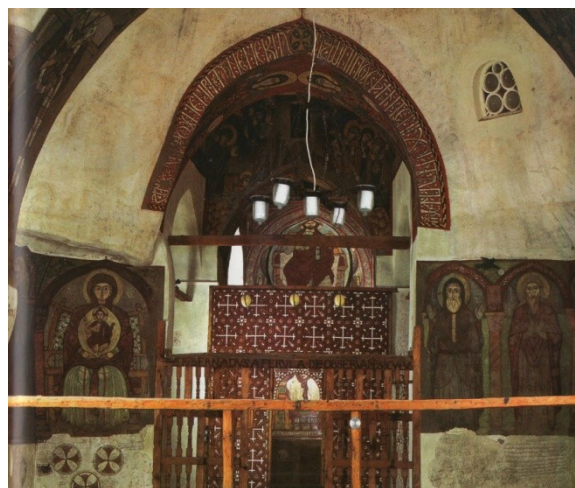

Рис. 3. Древняя церковь Антония Великого. IV в.

Рис. 4. Богородица, изображенная в церкви Антония Великого

города Шарм эль Шейх на Синае, врата обители Дейр-эль-Мухаррак, Ансамбль монастыря Пансия Великого и т. д. Все эти комплексы имеют две колокольни с крестами – символ двух естеств Иисуса Христа, божественного и человеческого, крупные купола и маленькие окна.

Мы не беремся анализировать исторические пути развития коптского изобразительного искусства в целом и коптский иконописи в частности, но в культурфилософском контексте рассмотрим особенности и сущность этого оригинального и самобытного языка восточнохристианского направления иконописного творчества.

Если рассмотреть коптское искусство беглым взглядом, то можно сделать выводы о примитивности и даже «лубочности» композиций, цветовой гаммы и рисунка изображений и особенно в современной интерпретации (рис. 5). Можно предположить, что коптское церковное изображение есть вынужденная церковная иллюстрация, понятная практически каждому зрителю в связи с простотой и очевидным содержанием (ведь нет никаких апостольских указаний, касающихся качества написания иконы). На самом деле **суть вопроса лежит не в плоскости изображения как такового, а в том, кто выполняет это изображение** (по формуле не как... а кто...).

Дело в том, что к иконописцу предъявляются очень высокие духовные требования, он практически должен быть безупречен в духовно-нравственном смысле (о чем делает заключение его духовный отец). Никто при этом не запрещает иметь художественные способности, но они уходят на второй план, важно к святому делу иконописания приступать с «чистыми руками» (с XVII в. мы знаем, что на Руси оценивалось в первую очередь качество иконы). Мы не будем рассуждать, что важнее, безусловно, идеальным будет вариант симфонии между художественными способностями и духовным уровнем иконописца, но церковное искусство коптов развивалось ровно по личностному качеству иконописца.

Основываясь на византийско-греческом искусстве и раннехристианских произведениях как образцах для подражания, египтяне изначально не предложили каких-либо новшеств в своем искусстве. При этом на основе

анализа раннекоптских памятников мы увидим, что имеется:

- множество темнофонных изображений (даже чернофонных);
- усиленная плоскостность и даже декоративность изображения;
- миндалевидность глаз;
- преобладание коричневых, черных и охристых цветов (рис. 6).

Рис. 5. Изображение святого Абакоба на папирусе

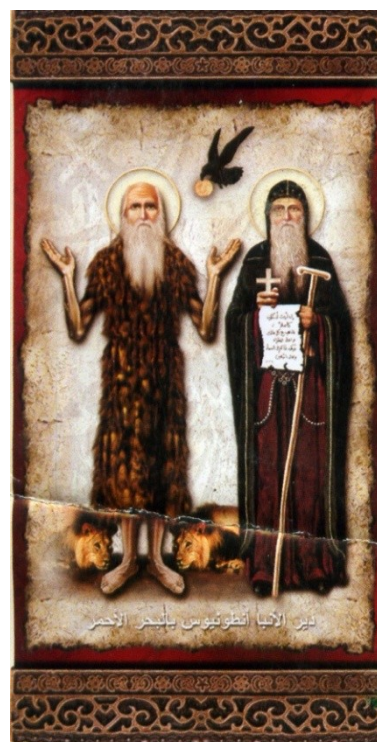

Рис. 6. Старинное коптское изображение. Петр Фивейский и Антоний Великий

Одними из наиболее популярных сюжетов считаются образы под названием «Бегство в Египте» по понятным причинам, а также «Рождество Христово», «Тайная Вечеря» и «Распятие с предстоящими» (рис. 7). Наиболее почитаемые святые – это апостол Марк как главный проповедник христианства в Египте, основатель и родоначальник всего

мирового монашества Антоний Великий, а также его ученик и сопостник Петр Фивейский. Оба святых, как правило, изображаются на иконах вместе со львами и орлом, который приносил Петру пищу. Монастыри, основанные этими святыми, существуют по сей день и имеют уникальную архитектуру.

Рис. 7. «Рождество Христово», «Тайная Вечеря», «Распятие с предстоящими» – изображения, выполненные на папирусе

Когда-то на этой территории Нитрийской пустыни имелось более пятиста монастырей, где активно развивалась иконопись. Сейчас помимо двух указанных также существуют: монастырь Симеона (он изображается с одним глазом), расположенный на горе Мухаттон; монастырь на берегу Нила в г. Маад, на этом месте по преданию св. Семейство провело месяц; монастыри в Нитрийской пустыни св. Псоа – самый уникальный по своей архитектуре (рядом с монастырем сирийцев); монастыри Моисея Черного (он был эфиоп) и св. Исидора; и, наконец, в пустыне Бармус близ города Вадинатрум расположен монастырь Макария Великого (с середины VI в.), который является официальной резиденцией коптских патриархов и главным монастырем коптов. Всего в Египте насчитывается 12 мужских и 6 женских монастырей.

Эти монастыри обладают бесценным наследием коптской иконописи и стенописи. Одной из популярных здесь фресок является изображение св. Мины (моги которого находятся в церкви Абу-Мина в Каире – одной из старейших церквей христианского мира, и причем практически в первозданном виде). Святой Мина послужил прообразом св. Георгия, победившего дракона (рис. 8). На коптских иконах св. Мина изображен с копьем, пронзающим не дракона, а дьявола.

Существует ошибочное мнение о том, что коптская церковь имеет тесные связи с церковью католической. Вероятно, это мнение основано на том, что коптами также управляет Папа, как и у католиков. Многие коптские храмы выстроены по принципу католической «базилики». Также влияние современной католической церковно-сувенирной продукции полностью размыло границы между церковной лавкой католического костела и церковной лавкой коптской кянисы. На стенах коптских храмов много чисто католических икон (но справедливости ради нужно сказать, что и чисто православных тоже).

Но существуют чисто коптские объекты церковного искусства, такие как:

- выступающая на четыре конца света перекладина храмовых крестов и колоколен;
- двенадцатилепестковый и равноконечный коптский крест;

- облачения священника (как праздничные, так и повседневные);
- пророщенный крест орнамент в виде виноградной лозы;
- уникальные капители с «плетеными» крестами;
- особая иконография святых и евангельских сюжетов.

Сегодняшнее состояние коптского изобразительного искусства обусловлено влиянием греческого и католического искусства иконописи, а также местного колорита и опыта в создании изображений. Причем эти три составляющие в духовно-изобразительном искусстве совершенно не переплетены и не взаимодополняемы, а существуют параллельно, уживаясь под одной крышей монофизитского храма. Мы не встречаем уникальных или редких греческих или католических изображений, они, как правило, являются своеобразным эрзацем аутентичных вышеуказанных направлений церковного искусства. Очевидно, что в Египет не приезжают серьезные (и, как следствие, высокооплачиваемые) художники южной и западной Европы.

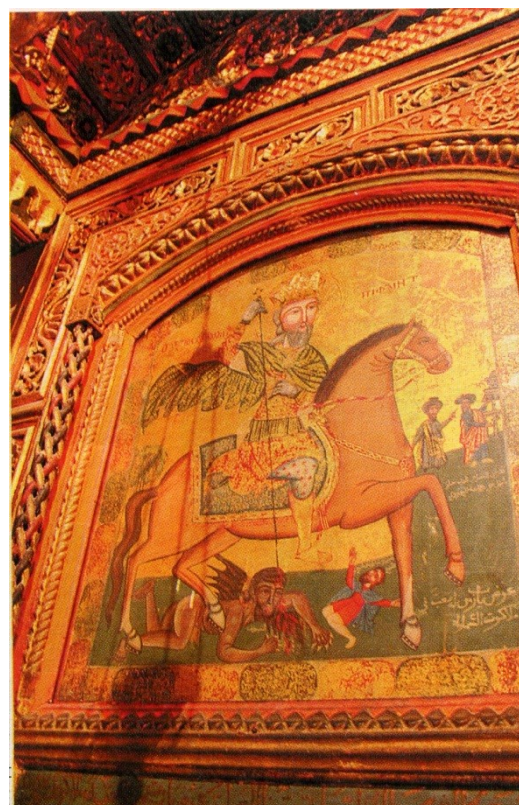

Рис. 8. «Св. Мина» – фреска храма Абу-Мина в Каире

Особенности местного иконописного колорита в современном коптском искусстве заключаются в том отношении к церковному искусству, о котором мы писали выше, где указывалось на приоритет духовно-нравственного уровня иконописца перед его художественно-профессиональными качествами.

Если наглядно рассмотреть современную коптскую иконографию (на примере популярного коптского сюжета, выполненного на папирусе «Абу Сейфен на коне» – по-русски «Абу Сейфен» значит св. Стефан), мы увидим, что:

- пропорциональное соотношение головы к телу – 1 к 5;
- лицо имеет размер головы (не имея боковых частей головы);
- схематичное изображение фигуры и ее элементов в сторону плоских фигур, определяемых только контуром;
- декоративность подачи общего силуэта фигур и персонажей;
- условность передачи теневых частей композиции иконы;
- миндалевидность и укрупненность глаз;
- отсутствие разницы между цветом и краской на цветовой композиции иконы;
- уменьшенная форма рта;
- предельная условность и простота (сродни детскому рисунку) в передаче иконописных элементов (рис. 9).

Традиционными для всей иконописи сохраняются следующие выразительные элементы иконы:

- плоскостность изображения;
- темный силуэт (и контур) изображений;
- отсутствие несущественных деталей;
- архитектура размещения персонажей на картинной плоскости;
- символичность цвета и композиции иконы.

Таким образом, мы вправе рассмотреть феномен коптской иконописи как одно из уставных иконописных направлений, но оговорившись о том, что феноменология данного направления заключается в его духовной, а не художественной составляющей.

Коптская икона представляет собой духовную традицию благочестивых иконописцев, работающих и совершенствующихся на основе духовного самосовершенствования и, как следствие, – личностного видения духов-

но-художественного образа, где художественно-изобразительная традиция используется опосредованно и уходит на второй план. Вследствие чего мы видим произведения коптской иконописи как **церковную компиляцию духовных и народных воззрений на предмет веры**, вне профессионально-художественных наработок как основы для развития и совершенствования иконичности художественного образа. Поэтому коптская икона находится только лишь в плоскости церковной традиции, но не в плоскости церковного (а точнее церковно-изобразительного) канона. Так как канон передает агиографическое и духовное осмысление иконического образа, формируя при этом иконописный символ через художественно-эстетическое совершенствование, которым занимаются святые отцы и иконописцы, результатом взаимодействия которых являются те школы и отдельные памятники, имеющиеся в современной церкви.

Церковная традиция конечно является частью церковного канона, но только лишь частью. В самоценном смысле художественная церковная традиция представляет собой

Рис. 9. Изображение «Абу Сейфен на коне», выполненное на папирусе

номинальную сумму художественных работ, выполненных иконописцами, формально переданная на другие иконописные экземпляры. Традиция имеет возможность репродуцируемой передачи иконописного предмета, увеличивая их количество. Сохранение и передача традиции в иконописи позволяет иконописцу выполнить икону, руководствуясь лишь имеющимся образцом и художественным навыком. Иконичность образа (его духовность) передает только церковно-иконописный канон, т. к. это одна из его функций.

Монофизитская основа коптской церкви весьма точно согласуется с данными утверждениями потому, что, помня о принципе обратных связей, на первый план выходят не духовность иконы, а духовность молящейся личности, которая по учению коптов должна воспринимать не изображение, а его духовный потенциал, сакрально заложенный исполнителем иконы с помощью чистоты своей души, а не с помощью иконописного канона и иконических символов.

«Коптская иконопись не отрицает художественного качества, но, стремясь к нему лишь опосредованно, акцентирует внимание молящегося на сверхчувственном видении святых отцов, переданным личностным опытом иконописца через «чистые руки» на плоскость иконы» [10, с. 157]. Таким образом, истинность и глубина коптской иконы угадывается с помощью веры и духовного уровня молящегося, а также «намоленностью» самого образа, где его художественные достоинства уходят на второй план и являются только лишь желательными, но не обязательными.

К сожалению, проблемы изучения коптского искусства все более и более усугубляются. Египет находится в эпицентре террористических угроз как для местных христиан и путешествующих, так и для уникальных христианских памятников мирового значения. Поэтому любые исследования и реальные памятники коптского творчества сейчас имеют наиболее внимательное к себе отношение как со стороны исследователей, художников, христиан различных конфессий, так и тех, кому небезразлична судьба древнего египетского искусства. Храмовое творчество коптов прошло через призму времени и сохранило свою самобытность и оригиналь-

ность подачи христианских образов, что ставит его в один ряд с искусством катакомб и раннего христианства. Таким образом, современному зрителю представляются древние эстетические воззрения послеапостольского времени буквально в первозданном виде.

1. Православный церковный календарь 2011. М., 2010.
2. *Маджи Дж.* Монастырь Святой Екатерины. Флоренция, 2008.
3. *Никольская Т.М.* Особенности христианского искусства стран Ближнего Востока (на примере монастыря Св. Екатерины) // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2013. № 7.
4. *Росск К., Чеснокова Н.П.* Сокровища монастыря Святой Екатерины / доп. и перераб. Н.И. Комашко. М., 2007.
5. *Нарди Р., Дзидзола К.* Монастырь Святой Екатерины, Синай. Реставрация Мозаик Преображения Господня. Рим, 2005.
6. *Мидов А.М.* Византийские иконы Синай. Москва; Афины, 1999.
7. *Карпичеви А.К.* Египет. Искусство и история. 5000 лет цивилизации. Флоренция, 2009.
8. *Масленников Д.* Монастырь Антония Великого / под ред. арх. Леонида (Горбачева). Каир, 2012.
9. *Остапенко А.А.* Египет-Обетование. Калуга, 2012.
10. *Никольский М.В.* Культурфилософские особенности уставной Православной иконописи: монография. Тамбов, 2014.

1. Pravoslavnyy tserkovnyy kalendar' 2011. M., 2010.
2. *Madzhi Dzh.* Monastyr' Svyatoy Ekateriny. Florentsiya, 2008.
3. *Nikol'skaya T.M.* Osobennosti khristianskogo iskusstva stran Blizhnego Vostoka (na primere monastyrya Sv. Ekateriny) // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. Tambov, 2013. № 7.
4. *Rossk K., Chesnokova N.P.* Sokrovishcha monastyrya Svyatoy Ekateriny / dop. i pererab. N.I. Komashko. M., 2007.
5. *Nardi R., Dzidzola K.* Monastyr' Svyatoy Ekateriny, Sinay. Restavratsiya Mozaik Preobrazheniya Gospodnya. Rim, 2005.
6. *Midov A.M.* Vizantiyskie ikony Sinaya. Moskva; Afiny, 1999.
7. *Karpichevi A.K.* Egipet. Iskustvo i istoriya. 5000 let tsivilizatsii. Florentsiya, 2009.

8. *Maslennikov D.* Monastyr' Antoniia Velikogo / pod red. arkh. Leonida (Gorbacheva). Kair, 2012.
9. *Ostapenko A.A.* Egipet-Obetovanie. Kaluga, 2012.
10. *Nikol'skiy M.V.* Kul'turfilosofskie osobennosti ustavnoy Pravoslavnoy ikonopisi: monografiya. Tambov, 2014.

Поступила в редакцию 25.10.2015 г.

UDC 7.01+7.032(32)

CULTURAL-PHILOSOPHIC BASEMENTS OF TEMPLE ART OF EGYPT

Mikhail Viktorovich NIKOLSKIY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Professor, Head of Theatre and Fine Arts Department, Member of Russian Artists Union, Member of International Social Association "Society of Designers", Chairmen of Tambov Regional Department "Teachers-Artists Union", e-mail: timnik2004@rambler.ru

Cultural-philosophic and essential basements of Coptic (Egyptian) temple creation and historical suppositions of Egypt spiritual-artistic language are reviewed. The peculiarities of Monophysitism as of spiritual-artistic concept in the development of Coptic art are explained. The artistic peculiarities of Monophysitism confessions, Coptic, Ethiopian and Armenian churches are revealed. These peculiarities are in simplicity and archaic representation, and also in transformation of saints' figures according to the principle of their perfection. The special symbolism of Coptic artistic and icon creation is presented, these are authentic portrayal of Christ, the Virgin Mary, Saints and Angels. The peculiarities of artistic-expressive language of Coptic icon-painting are analyzed, which are defined by dark background, laconic brevity and the simplicity of folds on clothes and the enlarged eyes form and decreased mouth form among saint people. The basic compositional peculiarities of Coptic icon-painting, which were formed before the present day are revealed. The basic positions of Coptic art are illustrated by modern reproductions of icons and pictures. The ancient Egyptian sources of plastic language of Coptic icon-painting are defined. The attention is paid to artistic monuments of Christian monastery of Anthony the Great. Christian relics of the most ancient Orthodox monastery of Saint Katherine in Mount Sinai are considered. The basic conclusions and reviews are made.

Key words: Coptic art; First Christian art; Transfiguration of Jesus; basilica temple building; Middle-Byzantine period in fine art; six-winged seraphs; Eastern-Christian churches; Monophysitism churches; Egyptian studies; sculptural portrayal; plane portrayal; silhouette; architectonics; icon composition; icon-painted canon; artistic expression; icon-painted symbol; iconic image.

УДК 7.08

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ В ДЕКОРАТИВНОЙ ЖИВОПИСИ

© Карина Владимировна ФИЛАТОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры сценического и изобразительного искусства,
e-mail: fkv.72@mail.ru

Дано определение термина «культура» и раскрыт ее функционал в отношении к изобразительному искусству, в частности к декоративной живописи. Особое внимание уделено созидательной силе культуры в общем и декоративной живописи в частности. Рассмотрена история формирования особенностей декоративной живописи, начиная от древнего мира, заканчивая настоящим временем. Особое внимание уделено становлению принципов декоративности в живописи, как особых приемов художественно-образного мышления, которые нашли свое яркое воплощение в русской иконописи XIV–XV вв. Дано определение понятия «декоративность», раскрыта его сущность применительно к декоративной живописи. Раскрывается актуальность проблемы и значимость декоративной живописи в обучении студентов творческих специальностей. Рассмотрена роль декоративной живописи в сохранении национальных особенностей и традиций. Выделены особенности декоративной живописи в отдельную группу. Даны рекомендации в организации занятий по декоративной живописи с целью сохранения национальных черт с учетом ее особенностей. В заключение раскрыта роль культурной деятельности в сфере искусства и показана культурологическая функциональность декоративной живописи в образовании обучающейся молодежи.

Ключевые слова: культура; искусство; функции культуры; декоративная живопись и ее особенности.

Выбор верных ценностных ориентиров современного человека усложнился из-за ряда кризисных явлений в культуре, которые возникли в связи с расширением информационного поля и быстрым развитием техногенной цивилизации. Наряду с этим на современном этапе возникла проблема в повышении интереса к духовному наследию традиционной культуры.

Культурное понимание человеком окружающего мира и самого себя невозможно без обращения к изобразительному искусству, т. к. оно активно влияет на мировоззрение человека, способствуя созданию универсальных ценностей и ценностных ориентиров. Именно поэтому декоративная живопись как явление национальной культуры в значительной степени может способствовать лучшему пониманию сегодняшнего мировоззрения.

Термин «культура» имеет много значений, но слово «культура» берет свое начало от латинского слова “colere”, что в переводе означает «культивировать, возделывать почву». Исходя из сказанного, для нашего исследования наиболее близким будет следующее определение. Культура представляет собой совокупность материальных и духов-

ных ценностей, а также способов их создания, умение использовать их для прогресса человечества, передавая из поколения в поколение. Культура – это совокупность всех тех духовных достижений человечества, которые, возникнув как индивидуально-субъективные и исторически-конкретные, с течением времени получили статус общественно-объективных и неподвластных времени духовных явлений, образуя непрерывную всеобщую культурную традицию. «Культура выступает как исторически определенный уровень развития общества и творческих сил человека, как качество жизни, как совокупность созданных человеком духовных материальных ценностей, как сотворенная людьми сфера их обитания и созидания, как стержень сохранения исторической памяти и национального достояния, как источник прогресса и социального благополучия, как средство духовно-нравственного развития людей и стимулирования их творческой активности» [1, с. 34]. Поэтому процесс развития культуры можно рассматривать как создание культурных ценностей и передачу их следующему поколению или же как освоение накопленного опыта и создание на этой ос-

нове новой культуры. Таким образом, из ранее упомянутых определений культуры можно определить функции, которые она выполняет в отношении к изобразительному искусству: воспитательную, созидательную, познавательную, информационную и коммуникативную.

Созидательная сила культуры сегодня позволяет студентам художественной направленности удовлетворять потребности в отражении окружающей действительности средствами искусства, духовно подниматься над повседневностью, внося в нее элементы прекрасного, строить свою жизнь по законам красоты. Культура неотделима от креативности, художественно-образного мышления, творчества, в развитии которых существенное место занимает декоративная живопись, в процессе освоения которой удовлетворяются интересы обучающегося, духовно обогащается окружающий его мир. В силу своей сущности и природы декоративная живопись вовлекает студентов в мир прекрасного, стимулирует реализацию творческих потенциалов. «В культурологическом понимании живопись является частью художественной культуры, представляющей собой эстетическое освоение мира в процессе художественного творчества» [2, с. 131]. По мнению Л.Н. Дороговой, художественная культура является связующим звеном между целостным бытием культуры и искусства, которое осуществляет превращение меняющегося в ходе ее исторического развития содержания культуры в содержание и форму искусства [3]. Хотелось бы отметить, что, по мнению многих исследователей, живописи отводится довольно большое значение в духовной культуре общества, которая отражает духовный мир каждого отдельного человека и его деятельность по созданию произведений, насыщенных духовностью. Таким образом, можно утверждать, что живопись отражает культурную ситуацию в обществе определенной эпохи, мировоззрение людей, передает сложный мир человеческих чувств, эмоций и характеров, дает возможность познать мир, является формой общения между культурами, обществами и отдельными людьми.

С давних времен у людей появилось желание выразить себя и свою среду посредством художественных начинаний. Декоративная живопись практикуется на всех континентах и в самых разных стилях. Например, в

пещерах пустыни Сахара. Здесь изображены люди, инструменты повседневной жизни и множество африканских животных. Пользуясь преимущественно линией как самым условным и отчетливо читаемым изобразительным средством, передавая среду или действие изобразительным намеком, узором, плоским фоном, древние живописцы изображали видимые предметы в их обобщенной, контурной характеристике.

Очень характерно было изображение человека в Древнем Египте, которое строилось на разворачивании фигуры человека следующим образом: голова в профиль – глаз в фас; торс в фас – руки в профиль; ноги в профиль. В древние времена такой способ изображения имел культовое и философское значение. Древнеегипетские изображения послужили основой для иконописи, в которой была развита и использовалась развернутая перспектива [4].

В европейские страны декоративная живопись была культивирована из творчества художников стран Ближнего и Дальнего Востока, у которых распространенным приемом стало использование в своих произведениях обратной перспективы. В свою очередь, французские народные художники также стали применять в своих изображениях линии и штрихи для определения цветов и листьев, которые рисовали на тканях или плотной бумаге, прикрепляя их к стене. В эпоху Возрождения и позже убедительным было только то изображение, которое математически или логически доказывалось.

Основные принципы декоративности в живописи как особые приемы художественно-образного мышления нашли свое яркое воплощение в русской иконописи XIV–XV вв. Выразительность плоскостно-орнаментального, колористически гармоничного композиционного строя иконы была подчинена содержанию изображения. По мнению Л.П. Ермолаевой, главными выразительными композиционными приемами русской иконописи было использование локального цвета при плоскостной трактовке формы, кое-где перекрытый пробелами и затемнениями, выявление линейной конструктивной композиционной основы, подчинение линейных границ предметов выразительному узору цветовых пятен, т. е. орнаментальной трактовке [5].

Как отмечалось выше, с искусством иконописи частично связан вопрос применения перевернутой или параллельной перспектив. В изобразительном искусстве метод обратной перспективы возник сравнительно недавно, но фактическое его применение относится к глубокой древности. Элементы обратной перспективы наблюдаются в работах народных мастеров и детей, не обученных правилам изображения геометрических форм в пространстве. Обратная перспектива выступает как феномен человеческого зрения и мозга. Характерным для системы обратной перспективы становится выгнутое изображение с дугообразной линией горизонта. Чем ближе объект к зрителю или рисующему, тем больше должен быть изгиб. Предметам прямоугольной формы придается вогнутость, образуя, таким образом, надломы формы в центре выгиба. Например, в изображениях спинок кресел на иконах, лба ликов полукруглые мазки являются границей надлома формы. Таким образом, получается, что в «бочкообразной» форме при разделении зрительной позиции изображение по горизонтали сплющивается, а по вертикали вытягивается. При этом уменьшается глубина пространства, масштаб тыльной части изображения увеличивается: предмет воспринимается расширенным вправо, влево и в направлении от зрителя – в глубину пространства, вследствие чего центр предмета сдвигается вглубь от зрителя. В иконе часто встречается сдвиг на зрителя – очень резкий, при котором предмет, стоящий на столе, бывает сдвинут к самому его краю. Именно так изображена чаша на иконе А. Рублева «Троица».

Исследования Л.Ф. Жегина и Б.В. Раушенбаха доказывают, что древнерусский иконописец изображал объекты с учетом требований канона, осознанно создавая изображение «неправильным» [6; 7]. Европейские художники, напротив, создавая реальную действительность, блестяще владели технологией передачи внешней формы объектов.

Древнерусские иконописцы вопреки существующим определенным требованиям и нормам линейной перспективы окрашивали в яркие цвета боковые стороны предмета, отличающиеся от цвета фронтальной части. Обратная перспектива в иконописи – это не неумение художника изображать, а органичная система передачи содержания, особое

видение. Важным в такой системе перспективы является передача впечатления о предмете, рассматриваемом одновременно с разных сторон, в результате чего происходит деформация изображаемых форм.

В исследовании Б.В. Раушенбаха приведено сравнение разных научных систем изображения предметов в перспективе со следующей последовательностью:

- предметы размещены в глубоком (дальнем) пространстве (ренессансная перспектива);

- предметы расположены в средней глубине (аксонометрия) – изображение в параллельной перспективе;

- предметы находятся в наиболее близком от художника пространстве, в этом случае длину предмета по горизонтали или вертикали можно разделить на три части, при этом дальние участки прямой линии находятся в ракурсе, т. е. прямая линия воспринимается изогнутой, и, следовательно, изображение геометрического объекта будет трансформированным [7].

Исследование культуры изображения XII–XV вв. показало, что иконописцы того периода умели изображать предметы с позиции реализма, но в те времена не было материалистического подхода к изображению. Живопись подчинялась строжайшему канону, что отличало ее от всех предыдущих систем изображения.

В России с конца XVII в. западноевропейское искусство и академическое обучение художников стало существенно влиять на обучение изобразительному искусству. Это привело к разрушению и потере древнерусских традиций, опыта обучения и использования обратной перспективы в изображении. Начиная с конца XVII в. изображения приобретают объемный, реалистический характер, а достижения А. Рублева и Дионисия в иконописи утрачены и забыты вплоть до начала XX в. Возможность обучения созданию плоскостного пространства исчезла, предметная среда стала изображаться только в прямой перспективе.

Дальнейшим развитием изобразительного и выразительного языка декоративной живописи стали произведения французских творцов рубежа XIX в. В экспрессивной живописи В. Ван Гога и А. Тулуз-Лотрека нашли отражение новые грани художественно-

го видения окружающей действительности. Особенно характерно творчество П. Гогена, в произведениях которого не только предметы, но и все элементы среды решены символично и декоративно.

Яркая декоративная направленность прослеживается и в живописи А. Матисса. В своих работах он ограничивает палитру красок до трех–четырех с целью достижения наибольшей силы цвета. А. Матисс восстанавливал своим творчеством значение линии, которая подчинила все предметы определенному ритму и внесла орнаментальность в картину. Он стремился к выразительности своих произведений и боролся с «крабским копированием природы» [8].

Также на развитие декоративной живописи оказало влияние творчество русских живописцев М.А. Врубеля, В.Э. Борисова-Мусатова, Н.К. Рериха, Р.Р. Фалька, А.В. Лентулова, П.П. Кончаловского, И.И. Машкова, А.В. Куприна, А.А. Дейнеки, К.Ф. Юона и других художников. Их работы отличаются декоративностью в трактовке цвета и композиционном построении, яркой самобытностью при разной стилистической направленности. Художественным произведениям этих живописцев присущи отдельные грани декоративности как метода художественно-образного мышления [9].

В произведениях декоративно-прикладного искусства, созданных в различные временные рамки, почти всегда можно проследить культурный уровень народа. Они призваны помогать людям жить, формировать их вкусы. Предметы декоративного искусства носят прикладной характер, узко-практический, их функция утилитарная, а именно, предметы взаимодействуют с интерьером, модели одежды взаимосвязаны с человеком, декор архитектуры – со средой и т. п. Живописец К.Ф. Юон считал, что «декоративная мысль всегда лежала в основе образования больших историко-художественных стилей», «чувство декоративного является выражением национального самосознания, народного понимания красоты реального мира» [10].

Декоративная живопись как вид искусства является одним из средств эстетического воспитания, учит видеть и познавать мир. Она является особой формой познания и осмысления действительности, которая эмоционально воздействует на человека, разви-

вает его интеллект и формирует чувства. Помимо этого декоративная живопись способствует развитию художественно-образного мышления и креативности. Поэтому актуальность проблемы и значимость декоративной живописи состоит в том, что от слабой развитости образного мышления у студентов творческих специальностей, недостаточного уровня художественно-творческих способностей и неумения стилизовать окружающую действительность в своих произведениях в значительной степени страдает качество подготовки дипломированного выпускника. В итоге, специалист оказывается в затруднении создавать эксклюзивные художественные образы в своей работе. При создании произведений прикладного искусства творец черпает вдохновение в реальной, объективной действительности, отбирая те свойства и качества натуры, которые в наибольшей степени соответствуют специфическому ассоциативно-образному языку жанра. Поэтому особенностью декоративно-прикладного искусства стала плоскостная трактовка орнамента на различных предметах.

Декоративность (dekor – красота, прелесть, изящество, украшенность) – форма выражения красоты синтезированного мира через отношение части и целого, это связь с окружающей предметно-пространственной средой, не натуральное, а условное ее отображение, наполненное метафорическим смыслом [5]. Декоративность является отличительной чертой декоративно-прикладного искусства, поэтому произведения прикладного искусства отличаются экспрессивностью, выразительностью, повышенной эмоциональностью живописностью, красочностью. Декоративность, обладая глубоко содержательным качеством, имеет методологическое значение при изучении как искусства прошлого, так и процессов, происходящих в современном искусстве, определяет творческое начало в преобразовании предметной и пространственной среды как определенная часть оформления интерьера, несет в себе поэтическое, идейное и образное содержание [4]. Декоративность можно определить как проявление изысканных, тщательно проработанных форм, деталей и узоров с целью украшения пространства интерьера как ансамбля, имеющего единство и неразрывность декоративных элементов.

Декоративная живопись, являясь украшающей живописью, существует в двух видах: это монументальная и станковая живопись. Являясь частью архитектурного ансамбля или произведения декоративного искусства, она имеет специальное назначение – украшать внутреннее пространство архитектуры, а также служит для выявления и подчеркивания архитектурных конструкций и деталей в интерьере. К декоративной живописи относятся орнаментальные росписи и изобразительные композиции, рассчитанные на декоративный эффект. Украшающую архитектуру (мозаика, витраж, фреска, энкаустика и т. д.) декоративная живопись имеет много общего с монументальной живописью.

Декоративная живопись относится к ряду общеобразовательных дисциплин и является одним из разделов теории и практики изобразительного искусства, изучаемым в высшей школе наряду с рисунком, живописью, декоративной композицией и т. д. С целью сохранения национальных черт в композицию декоративной живописи необходимо включать традиционные народные орнаменты, различные узоры на тканях, подносах, игрушках, в кружевах и различных предметах быта. Основой композиции русского изобразительного искусства до XVIII в. являлись изображения фигур людей на плоскости, поэтому в постановки с интерьером на практических занятиях необходимо включать натуры в российских национальных костюмах, характерных для различных эпох. При изображении фигур в декоративной живописи должна присутствовать определенная стилизация – обобщение изображения путем упрощения формы предмета, рисунка, цвета, применения других художественных приемов. Несомненно, при выполнении творческой работы необходимо учитывать следующие особенности декоративной живописи:

- отсутствие объема и материальности;
- изображение уплощенного пространства, условный язык декоративного письма;
- использование линий, работающих на выразительность или объем композиции, акцентирование силуэта;
- стилизация изображения с применением импровизации и деформации объектов;
- использование фактур;
- соблюдение закона теплоты-холодности;

- использование рефлексов, влияющих на изображенное пространство;
- орнаментально-ритмическая основа натурной постановки;
- применение параллельной или обратной перспективы;
- применение сближенных или контрастных форм и цветовых отношений предметов композиции;
- оригинальность и новизна мотивов, используемых в декоре.

Подводя итоги сказанному, можно сказать, что культура является предметом длительного и целенаправленного педагогического процесса, успех которого находится в прямой зависимости от способности учитывать особенности постижения культуры, опираться на созидательную силу искусства, осмыслить изменения в человеке в полную силу.

Культурная деятельность в сфере искусства способствует преобразованию знаний о культуре в нравственно-эстетические качества личности, превращая студентов в субъектов социально-культурного творчества. В свою очередь, искусство – важный аспект культуры. Это особый вид творческой деятельности, который создает образные и символические структуры. Искусство обладает художественными, познавательными и коммуникационными функциями. Являясь важной частью духовной культуры, искусство с первых страниц истории человечества всегда являлось средством осознания мира и духовного развития личности. Каждая историческая эпоха характеризуется своим пониманием искусства и его места в культуре. То же самое происходило и с декоративной живописью. В различные временные отрезки и в разных культурах она имела как востребованность, так и впадала в небытие.

Декоративную живопись надо рассматривать не просто как искусство, но и как культуру, отражающую традиции определенной нации. Она считается выразительным языком национальной культуры в связи с ее воплощением во всех аспектах жизни и культуры. Декоративная живопись выступает как созидательная сила в образовании обучающейся молодежи, имеющая цель духовного обогащения окружающего мира с точки зрения культуры. Поэтому ее культурологическая функциональность заключается в:

- познании и сохранении национальных особенностей и традиций декоративно-прикладного искусства, с целью дальнейшего их применения в произведениях декоративной живописи (познавательная функция);
- взаимодействии с натурой, своими современниками, а также в форме общения между культурами (коммуникативная функция);
- отражении различных сторон жизни, культурной ситуации в обществе определенного временного промежутка (информационная функция);
- формировании креативных качеств мышления, которое проявляется во всех сферах деятельности, обеспечивая качественный рост кадровой базы науки, производства и управления; формировании творческой элиты, полноценное воспитание которой невозможно вне культурно-ценностной среды и художественного образования (воспитательная функция);
- создании высокодуховных произведений и исторических ценностей (созидательная функция).

1. Ариарский М.А. Созидательный потенциал культуры и педагогические условия его реализации // Человек и образование. 2014. № 1.
2. Торонова Е.М. Живопись как предмет междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2.
3. Дорогова Л.Н. Художественная культура: понятия, термины. М., 1978.
4. Куценков В.И. Декоративная живопись. Екатеринбург, 2008.

5. Ермолаева Л.П. Основы дизайнерского искусства. М., 2009.
6. Жегин Л.Ф. Язык живописного произведения. М., 1970.
7. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб., 2002.
8. Матисс А. Сборник статей о творчестве. М., 1958.
9. Филатова К.В. Декоративная живопись в подготовке студента-дизайнера. Тамбов, 2010.
10. Иогансон Б.В. Молодым художникам о живописи. М., 1960.

1. Ariarskiy M.A. Sozidatel'nyy potentsial kul'tury i pedagogicheskie usloviya ego realizatsii // Chelovek i obrazovanie. 2014. № 1.
2. Toronova E.M. Zhivopis' kak predmet mezhdistsiplinarnogo issledovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2.
3. Dorogova L.N. Khudozhestvennaya kul'tura: ponyatiya, terminy. M., 1978.
4. Kuzenkov V.I. Dekorativnaya zhivopis'. Ekaterinburg, 2008.
5. Ermolaeva L.P. Osnovy dizaynerskogo iskusstva. M., 2009.
6. Zhegin L.F. Yazyk zhivopisnogo proizvedeniya. M., 1970.
7. Raushenbakh B.V. Geometriya kartiny i zritel'noe vospriyatie. SPb., 2002.
8. Matis A. Sbornik statey o tvorchestve. M., 1958.
9. Filatova K.V. Dekorativnaya zhivopis' v podgotovke studenta-dizaynera. Tambov, 2010.
10. Ioganson B.V. Molodym khudozhnikam o zhivopisi. M., 1960.

Поступила в редакцию 20.10.2015 г.

UDC 7.08

FUNCTIONALITY OF CULTURE IN DECORATIVE PAINTING

Karina Vladimirovna FILATOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Theatrics and Decorative Arts Department, e-mail: fkv.72@mail.ru

Definition of the term "culture" is given, and its features in relation to fine art, in particular to decorative painting are revealed. Special attention is paid to the creative power of culture in general and in particular painting. The history of features of decorative art formation ranging from the ancient world to the present time is viewed. Special attention is paid to the development of the principles of decorative painting, special artistic creative thinking techniques, which found its vivid expression in the Russian icon painting XIV–XV centuries. The definition of "decorative" is given, its essence as applied to decorative painting is revealed. The urgency of the problem and significance of the decorative painting in the training of students of creative specialties is explained. The role of decorative painting in the conservation of national peculiarities and traditions is examined. The features of decorative painting in a separate group are considered. The recommendations in the organization of classes in decorative painting with the aim of preserving national features considering its features are given. In conclusion, the role of cultural activities in the arts and cultural functionality of decorative arts in students' education is shown.

Key words: culture; art; functions of culture; decorative painting and its features.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.1

ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ ОЦЕНКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ (на материале английского языка)

© Анаит Нориковна ХУДАНЯН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра зарубежной
филологии и лингвистики, e-mail: khudanyan_anait@mail.ru

Посвящено проблеме оценочной категоризации межличностных отношений в производственной области в английском языке. Актуальность исследования состоит в его когнитивно-лингвистической направленности, изучении принципов и механизмов оценочной категоризации. Целью служит выявление особенностей общей и частной оценок производственных межличностных отношений. Оценка формируется на пересечении объективных и оценочных характеристик оцениваемого объекта, в связи с чем они выделены и представлены. С этой целью проанализирована специальная литература, а также энциклопедические справочники и толковые словари. Их выделение позволяет показать наиболее значимые ориентиры в оценочной деятельности субъекта оценки. Описана структура фрейма межличностных отношений в производственной области. Систематизированы языковые средства репрезентации оценочной категории производственных межличностных отношений на материале английского языка. Выявлены когнитивные механизмы, лежащие в основе оценочной категоризации изучаемого типа отношений. Представлена уровневая организация оценочной категоризации межличностных отношений в производственной сфере. Сделан вывод о том, что при общей оценке оценивающий субъект обращается к конститутивным объективным характеристикам межличностных отношений, а при частной оценке – к переменным характеристикам межличностных отношений.

Ключевые слова: оценка; оценочная категоризация; уровни категоризации; фрейм; межличностные отношения.

Производственный коллектив выступает одной из форм социального взаимодействия, в рамках которого возникают межличностные отношения. Область производственных отношений включает знание об отношениях между людьми, которые складываются в сфере производства, обусловлены определенным уровнем развития производственных сил и формой собственности, что, в свою очередь, определяет классовую структуру общества» [1]. В английском языке подобные отношения обозначаются сочетанием “industrial relations” – “the relationship between the workers and managers in an industry or company” [2].

Особенности оценочной категоризации производственных межличностных отношений являются объектом данного исследования. Согласно Н.Н. Болдыреву, под оценочной категоризацией понимается «группиров-

ка объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории, т. е. система оценочных категорий (статический аспект), или мысленное соотношение объекта или явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект)» [3]. Согласно Н.Н. Болдыреву, «при оценочной категоризации точкой отсчета является человек и его шкала ценностей» [4].

Заимствовав понятие оценки из логики, лингвисты сосредоточили внимание на способах выражения оценочных значений в языке, их классификации. Так, в языке выделяются два основных типа значений: общеоценочный и частнооценочный. Первый тип реализуется прилагательными «хороший» и «плохой», а также их синонимами. Во вторую группу входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта: сенсорно-вкусовые (гедонистические), психологиче-

ские (интеллектуальные и эмоциональные), эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические оценки [5].

В основе формирования оценки производственных межличностных отношений лежат различные когнитивные механизмы.

С учетом одного из базовых положений в теории оценочной категоризации, разработанной Н.Н. Болдыревым, о том, что «оценочная категоризация, по существу, представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира – буквальную, физическую и ценностную, идеальную», необходимо обратиться к объективным характеристикам производственных межсубъектных отношений [4]. Данные характеристики представляется возможным рассмотреть на основе фрейма производственных отношений. Понятие фрейма разработано М. Минским в рамках теории искусственного интеллекта [6]. По теории М. Минского, фрейм представляет собой сеть, состоящую из узлов и связей между ними. Выделяются верхние уровни фрейма, которые заполнены понятиями, всегда справедливыми для той или иной ситуации, и нижние уровни, представленные множеством «вершин-терминалов», или «ячеек», которые заполняются «характерными данными или примерами» [6].

В понимании Ч. Филлмора, фреймы есть ни что иное как «особые унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта» [7], а применительно к области лингвистики – «система концептов, связанных таким образом, что для понимания любого из них мы должны понимать целостную структуру, в состав которой они входят» [8].

Для представления фрейма производственных отношений была проанализирована литература по психологии управления [9; 10], менеджменту [11–13], а также кодексы корпоративной этики, специальные пособия по оценке качества работы сотрудников и характера взаимоотношений людей в производственном коллективе. Фрейм INDUSTRIAL RELATIONS является единством двух подфреймов SUBORDINATE INDUSTRIAL RELATIONS и PARITY INDUSTRIAL RELATIONS. К вершинным узлам данной когнитивной модели относится информация о субъекте отношения, предикате отношения

и объекте отношения, а к терминальным узлам относится информация о сфере возникновения отношений, целях возникновения отношений, причинах их характера, характеристика субъекта отношений, характеристика объекта отношений.

Проанализированная специальная литература позволяет установить ценностные ориентиры в оценочной категоризации производственных межсубъектных отношений [9; 10; 14; 15].

Общеоценочные категории формируются на основе общей оценки объектов безотносительно к конкретным проявлениям. Общая оценка производственных межличностных отношений представлена категориями GOOD / BAD. Представляющие данные категории характеристики выявлены с учетом анализа словарных толкований одноименных лексем и специальной литературы [1; 2; 9; 11; 14–20].

Для того чтобы определить критерии частных оценок, важно было определить, в чем конкретно проявляются межличностные отношения в производственной области. С этой целью была проанализирована специальная литература, справочники и энциклопедические словари [1; 9; 11; 14–16]. При помощи анализа выявлено, что в преломлении к субординационным отношениям с векторной направленностью «руководитель → подчиненный» оценочное знание формируется на основе следующих оценочных категорий: respectful / disrespectful, cooperative / separate, fair / unfair, encouraging / unencouraging, trusting / untrusting, democratic / authoritarian, exacting / unexacting. При векторной направленности субординационных отношений «подчиненный → руководитель» оценочное знание формируется на основе следующих оценочных категорий: respectful / disrespectful, cooperative / separate, honest / dishonest, submissive / unsubmissive. В рамках паритетных отношений частные оценки формируют следующие категории: respectful / disrespectful, cooperative / separate, honest / dishonest, harmonious / disharmonious, encouraging / unencouraging, friendly / unfriendly. Проанализируем некоторые из приведенных категорий на примерах.

1. Общеоценочная категория **“good / bad”** представлена характеристиками: благоприятность / неблагоприятность, соответст-

вие / несоответствие, эффективность / неэффективность уровня межличностных отношений в достижении поставленной цели [2; 17–20].

It also makes good business sense: organizations with good employment relationships tend to be more successful [21].

В данном примере межличностные отношения оцениваются гештальтно с позиций общей оценки, направленной на установление соответствия уровня межличностных отношений существующим стандартам. Из контекста следует, что положительные трудовые отношения приводят к деловой успешности.

Когнитивная область «субординационные отношения с векторной направленностью «руководитель → подчиненный»

2. Частнооценочная категория **“respectful / disrespectful”** представлена характеристиками: проявление / отсутствие вежливости, учтивости, обходительности в общении с подчиненным; проявление / отсутствие благородства, честности в отношении подчиненного; соблюдение / несоблюдение обязательств; сдерживание / несдерживание обещаний перед подчиненным; положительная / негативная оценка образа мышления, личных качеств, достижений подчиненного; проявление / отсутствие предупредительности, услужливости, заботы, внимания по отношению к подчиненному; положительное / отрицательное мнение о личности и взглядах, суждении, точке зрения, принимаемых решениях подчиненного; проявление / отсутствие доброты, любезности [1; 17–20].

Russell was a good man: fair, even respectful of the men in his charge, proud of them [22].

В данном случае профилируется характеристика «проявление вежливости, учтивости, обходительности в общении с подчиненным». Контекст усиливает положительный фокус оценки, на что указывает лексема “proud” (“feeling deep pleasure or satisfaction as a result of one’s own achievements, qualities, or possessions or those of someone with whom one is closely associated” [19]). При этом реализуется эмоциональная оценка.

3. Частнооценочная категория **“encouraging / unencouraging”** представлена характеристиками: поддерживающий / неподдерживающий подчиненного морально; стимулирующий / нестимулирующий про-

фессиональные инициативы подчиненного путем оказания помощи / неоказания помощи; вселяющий / не вселяющий уверенность в успех [2; 17–20].

The encouraging supervisor helps supervisees remove some of their self-imposed attitudinal roadblocks and supports them to aim for their highest possible level of competence [23].

В данном примере профилируется оценочная характеристика «стимулирующий профессиональные инициативы подчиненного путем оказания помощи», что подчеркивается и контекстом (helps, supports). При этом реализуется телеологическая оценка, т. к. для наблюдателя значимость имеет достижение высоких профессиональных результатов.

4. Частнооценочная категория **“democratic / authoritarian”** представлена характеристиками: роль руководителя / подчиненного в принятии решений, осуществлении профессиональных задач; готовность / неготовность руководителя делегировать власть подчиненному в целях решения поставленных профессиональных задач; мягкая / жесткая дисциплина [2; 17–20].

The staff is easy to get on with, but the boss is a real martinet [24].

Маркиз Мартинета, полковник французской армии при Людовике XIV, прославился требованием абсолютной дисциплины в деле подготовки солдат. На основе концептуальной метафоры взаимодействуют две когнитивные области: “army” (область-источник) и “industry” (область-цель). При этом стиль руководства представлен метонимически именем конкретного человека, обладателя данного стиля руководства. Таким образом, на основе механизма метафоризации формируется оценка стиля руководства в производственной сфере. Профилирование оценочной характеристики «жесткая дисциплина» приводит к реализации негативной телеологической оценки.

Когнитивная область «субординационные отношения с векторной направленностью «подчиненный → руководитель»

5. Частнооценочная категория **“respectful / disrespectful”** представлена характеристиками: проявление / отсутствие вежливости, учтивости, обходительности в общении с руководителем; проявление / отсутствие благородства, честности в отношении руководителя; соблюдение / несоблюде-

ние обязательств; положительная / негативная оценка образа мышления, личных качеств, достижений руководителя; проявление / отсутствие предупредительности, услужливости по отношению к руководителю; положительное / отрицательное мнение о личности и взглядах, суждении, точке зрения, принимаемых решениях руководителя [2; 17–20].

He's a very hard worker, kind, polite, thoughtful, and always open to learn new things [22].

В данном примере профилируется оценочная характеристика «проявление вежливости, учтивости, обходительности в общении с руководителем» за счет прилагательного “polite”. При этом реализуется этическая оценка.

6. Частнооценочная категория “**submissive / unsubmitive**” представлена характеристиками: подчиняющийся / не подчиняющийся решениям руководителя [2; 17–20].

Lacking in initiative, he would be obedient and obedience to employers came before that to his wife [25].

В данном примере профилируется оценочная характеристика «подчиняющийся решениям руководителя». Наблюдатель оценивает поведение подчиненного негативно из-за отсутствия способности самостоятельно принимать решения (“lacking” – “if something **important or useful** is lacking, it does not exist or is not available”; “initiative” – “the ability to decide in an independent way what to do and when to do it” [2]. В фокусе внимания наблюдателя находится телеологическая оценка.

Когнитивная область «паритетные отношения»

7. Частнооценочная категория “**cooperative / separate**” представлена характеристиками: совместная / разобщенная деятельность; наличие / отсутствие общей цели; совместное / разобщенное достижение цели; готовность / неготовность оказывать помощь; достижение / недостижение результата, приносящего совместную / индивидуальную пользу; желание/ нежелание оказывать помощь [2; 17–20].

Yet, throughout history women have naturally sought to work cooperatively, to optimize life for everyone, and to enjoy working on a shared goal [22].

В приведенном примере профилируется положительная оценка межличностных от-

ношений за счет активизации оценочных характеристик «достижение результата, приносящего совместную пользу» (**to optimize life for everyone**) и «наличие общей цели» (**working on a shared goal**). Значимость для наблюдателя имеет также телеологическая оценка.

8. Частнооценочная категория “**friendly / unfriendly**” представлена характеристиками: проявление симпатии / антипатии, дружелюбия / враждебности; готовность к общению / замкнутость; способность / неспособность находить общий язык с коллегами; благожелательность / неблагоприятность [2; 17–20].

He obviously considered your sister a very valuable colleague. She is... was... extremely competent, as well as very good at getting on with people [25].

В данном случае объект оценки представлен существительным “colleague”. Оценочная характеристика «способность находить общий язык с коллегами» профилируется конструкцией *to get on with* (to establish a friendly relationship [20]) и оценочной семантикой прилагательного *good* в предикативной функции. Положительная оценка усиливается в контексте за счет лексемы с оценочной семантикой *valuable*, а также за счет градуатора *very* (“in a high degree” [19]). При этом реализуется этическая оценка.

Таким образом, оценка производственных межличностных отношений формируется на основе пересечения оценочных характеристик и объективных характеристик, представленных компонентами фрейма, за счет когнитивных механизмов профилирования и метафтонимии. Фактологический анализ показал, что в основе общей оценки лежит интерпретация конститутивных объективных характеристик межличностных отношений, а частная оценка формируется за счет интерпретации переменных характеристик межличностных отношений.

1. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.
2. Macmillan Dictionary online. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 15.10.2015).
3. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любо-

- вью к языку: сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва; Воронеж, 2002. С. 103-114.
4. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов, 2014.
 5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
 6. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
 7. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 52-92.
 8. *Fillmore Ch.J.* Frame semantics // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981.* Seoul, 1982. P. 111-137.
 9. *Батаршев А.И., Лукьянов О.А.* Психология управления персоналом. М., 2005.
 10. *Клементьев Д.С.* Социология и психология управления: монография. М., 2004.
 11. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. СПб., 2004.
 12. *Мельников О.Н., Ларионов В.Г.* Руководитель и подчиненный // Российское предпринимательство. 2001. № 11 (23). С. 52-59.
 13. *Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж.* Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии / пер. с англ.; под ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. М., 1998.
 14. *Паниотто В.П.* Структура межличностных отношений: методика и математические методы исследования. К., 1975.
 15. *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.
 16. *Басаков М.И.* Справочник кадровика. М., 2010.
 17. *Cambridge International Dictionary of English.* Cambridge, 1996.
 18. *Longman Dictionary of English Language and Culture.* Harlow, 1992.
 19. *Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English* / ed. by A.S. Hornby. Oxford, 1995.
 20. *Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners* / ed. by J.M. Sinclair. Glasgow, 2001.
 21. *Employment Relationships. From Beginning to End.* URL: <http://www.dol.govt.nz/> (дата обращения: 15.10.2015).
 22. *Corpus of Contemporary American English.* URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 15.10.2015).
 23. *Millar A., Holloway J., Henderson P.* Becoming an encouraging supervisor: the encouraging supervisory relationship // *Private Practice.* 2014. P. 27-29.
 24. *Lockett B.* Beyond the Dictionary. М., 1998.
 25. *British National Corpus.* URL: <http://corpus.byu.edu/bnc> (дата обращения: 15.10.2015).
 1. *Sotsiologicheskiiy entsiklopedicheskiy slovar': na russkom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh* / obshch. red. G.V. Osipova. М., 1998.
 2. *Macmillan Dictionary online.* URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 15.10.2015).
 3. *Boldyrev N.N.* Struktura i printsiipy formirovaniya otsenochnykh kategoriy // *S lyubo-v'yu k yazyku: sbornik nauchnykh trudov. Posvyashchaetsya E.S. Kubryakovoy.* Moskva; Voronezh, 2002. S. 103-114.
 4. *Boldyrev N.N.* Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. Tambov, 2014.
 5. *Arutyunova N.D.* Yazyk i mir cheloveka. М., 1999.
 6. *Minskiy M.* Freymy dlya predstavleniya znaniy. М., 1979.
 7. *Fillmor Ch.* Freymy i semantika ponimaniya // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike.* М., 1988. Vyp. 23. S. 52-92.
 8. *Fillmore Ch.J.* Frame semantics // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981.* Seoul, 1982. P. 111-137.
 9. *Batarshev A.I., Luk'yanov O.A.* Psikhologiya upravleniya personalom. М., 2005.
 10. *Klement'ev D.S.* Sotsiologiya i psikhologiya upravleniya: monografiya. М., 2004.
 11. *Armstrong M.* Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami. SPb., 2004.
 12. *Mel'nikov O.N., Larionov V.G.* Rukovoditel' i podchinennyy // *Rossiyskoe predprinimatel'stvo.* 2001. № 11 (23). С. 52-59.
 13. *Tompson A.A., Striklend A.Dzh.* Strategicheskiiy menedzhment. Iskustvo razrabotki i realizatsii strategii / per. s angl.; pod red. L.G. Zaytseva, M.I. Sokolovoy. М., 1998.
 14. *Paniotto V.P.* Struktura mezhlichnostnykh otnosheniy: metodika i matematicheskie metody issledovaniya. К., 1975.
 15. *Shibutani T.* Sotsial'naya psikhologiya. М., 1969.
 16. *Basakov M.I.* Spravochnik kadrovika. М., 2010.
 17. *Cambridge International Dictionary of English.* Cambridge, 1996.
 18. *Longman Dictionary of English Language and Culture.* Harlow, 1992.
 19. *Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English* / ed. by A.S. Hornby. Oxford, 1995.
 20. *Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners* / ed. by J.M. Sinclair. Glasgow, 2001.
 21. *Employment Relationships. From Beginning to End.* URL: <http://www.dol.govt.nz/> (дата обращения: 15.10.2015).
 22. *Corpus of Contemporary American English.* URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 15.10.2015).

23. *Millar A., Holloway J., Henderson P.* Becoming an encouraging supervisor: the encouraging supervisory relationship // *Private Practice*. 2014. P. 27-29.
24. *Lockett B.* Beyond the Dictionary. M., 1998.
25. British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc> (data obrashcheniya: 15.10.2015).

Поступила в редакцию 24.10.2015 г.

UDC 811.1

GENERAL AND PRIVATE EVALUATION OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN THE INDUSTRIAL FIELD (on the material of English language)

Anait Norikovna KHUDANYAN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Foreign Philology and Linguistics Department, e-mail: khudanyan_anait@mail.ru

It is devoted to the problem of evaluative categorization of interpersonal relationships in the industrial field in the English language. The relevance is in cognitive-linguistic orientation, studying of the principles and mechanisms of evaluative categorization. The aim is to determine the features of general and private evaluation of industrial interpersonal relationships. The evaluation is formed at the intersection of the objective and evaluative characteristics of the assessed object, that is why they are identified and presented. For this purpose, special literature is analyzed, as well as reference books and dictionaries. The selection of these features allows to show the most significant landmarks in the evaluation activities of the subject of evaluation. The frame structure of interpersonal relations in the industrial field is described. English language means of representation of evaluative category of industrial interpersonal relationships are systematized. The cognitive mechanisms underlying the evaluative categorization of the studied type of relationship are revealed. The level organization of evaluative categorization of interpersonal relationships in the industrial sector is presented. In the case of general evaluation, evaluating subject turns to the constitutive objective characteristics of interpersonal relationships, and in the case of private evaluation – to the variable characteristics of interpersonal relationships.

Key words: evaluation; evaluative categorization; levels of categorization; frame; interpersonal relationships.

УДК 81'27:811.111

КОНЦЕПТ «SIBERIA» В СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ¹

© **Марина Викторовна ТЕРСКИХ**

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
e-mail: terskihm@mail.ru

© **Евгения Дмитриевна МАЛЁНОВА**

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии, e-mail: malenovae@mail.ru

Позиционирование региона в настоящее время стало весьма актуальным объектом исследований специалистов самых разнообразных научных направлений: экономики, связей с общественностью, политологии, социологии, лингвистики и др. Тема регионального имиджмейкинга активно развивается практически во всех сферах научного и масс-медиа дискурса. Подчеркнута тесная взаимосвязь имиджа отдельных регионов с имиджем России в целом: Россия предстает в сознании представителей различных национально-лингвокультурных сообществ как мозаика из ряда компактных моделей географического пространства, которые в конечном счете и формируют образ страны. Как показывает практика, в настоящее время большое количество негативных стереотипов тянется за одним из крупнейших регионов России – Сибирью. Посредством реконструкции концепта “Siberia” выявлена специфика восприятия сибирского региона представителями англоязычного лингвокультурного сообщества, определен имиджеобразующий (туристический, инвестиционный и т. п.) потенциал данного концепта. Анкетирование 200 представителей англоязычной лингвокультуры показало: Сибирь воспринимается не только как местность с богатыми природными ресурсами (красивая флора и фауна), но и как практически непригодный для туризма (и даже для проживания) регион (холод, безлюдные территории и пр.). Вместе с тем необходимо отметить, что резко негативный имидж Сибири, сформированный в сознании жителей США во времена «холодной войны», постепенно приобретает позитивную окраску, что, несомненно, является положительной тенденцией.

Ключевые слова: лингвоконцептология; концепт; фрейм; территориальный брендинг; Сибирь.

Восприятие территории представителями различных национально-лингвокультурных сообществ в настоящее время привлекает специалистов самых разных отраслей научного знания. В фокусе внимания и лингвистов, и маркетологов, и социологов, и политологов находится, по сути, один и тот же объект исследования – имидж территории и ее отдельных субъектов [1–7].

При этом имидж территории предстает как ««совокупность знаний, мнений и упрощенных представлений людей о конкретной территории, влияющих на их поведение» [7, р. 15], как «совокупность образных, рациональных и информационных представлений человека о конкретной территории» [8, р. 193].

Как показывает исследовательская практика, за последние несколько лет многие регионы России активизировали свою деятель-

ность по территориальному брендингу (по статистике, приведенной на «Общероссийском конгрессе муниципальных образований» в марте 2015 г., каждый десятый город России так или иначе осуществляет деятельность по созданию территориальной идентичности). Связано это по большей части с растущей конкуренцией за ресурсы развития и туристические потоки. Имидж, таким образом, становится значимым конкурентным ресурсом региона.

«В настоящее время в России наблюдается рост межтерриториальной конкуренции: регионы находятся в поле конкуренции друг с другом за иностранные и внутренние инвестиции, внимание и лояльность федеральной власти, привлечение квалифицированной рабочей силы и другие ресурсы развития» [9, с. 46].

«Книга американских исследователей Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское проклятие: как коммунистические плановики заморози-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 15-14-55002.

ли Россию» вышла в Вашингтоне в 2003 г. Считается, что она оказала достаточно сильное влияние на представления о развитии России (которой не оставляют никаких перспектив, если она будет инвестировать в неэффективную Сибирь)» [10, с. 264] и укрепила в сознании представителей американского лингвокультурного сообщества представления о Сибири как об огромном, холодном, запущенном, умирающем регионе. Названия разделов книги говорят сами за себя: «Простор для ошибок», «Самое холодное место в мире», «Географический фатализм», «Сибирь и ГУЛАГ» и т. п.

В заключение авторы приходят к выводу: «Сегодня разработка сибирских ресурсов достается слишком высокой ценой. Предприятия, не входящие в энергетический сектор, не дают достаточного дохода, чтобы высокими зарплатами привлечь новых людей и сохранить тех, кто есть. Вместо этого административными, нерыночными механизмами их удерживают на месте – большими субсидиями в ущерб России в целом. Сибирские ресурсы могут послужить будущему процветанию страны, и региональная экономика однажды сможет стать жизнеспособной. Но не при условии, что российское руководство и впредь будет держаться за города и отрасли, которые коммунистические плановики выставили на мороз» [11].

Вместе с тем в 2013 г. глава России в послании Федеральному Собранию назвал развитие Сибири национальным приоритетом: «Подчеркну: ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких, как подъем Сибири и Дальнего Востока. Это наш национальный приоритет на весь XXI век». Это означает не только работу по созданию особых центров опережающего экономического развития, но и усилия по корректировке отрицательного имиджа Сибирского региона, который влечет за собой низкую инвестиционную и туристическую привлекательность Сибири.

В связи с этим актуальным становится реконструирование имиджа Сибирского региона с целью определить сильные и слабые стороны образа Сибири в сознании массовой аудитории. Имидж в силу своей природы тесно связан с ментальными процессами нашего сознания. Поэтому концепт и построе-

ние его фреймовой модели представляется удобным инструментом для достижения поставленной цели.

Цель данной статьи – реконструирование концепта *Siberia* в сознании представителей англоязычной лингвокультуры.

Несмотря на то, что Сибирь обладает довольно широкими возможностями для привлечения инвестиционного капитала, а также для развития туристической сферы, воспринимается данная территория и отечественными, и западными инвесторами как регион неперспективный и нерентабельный. Очевидно, что проблемы позиционирования сибирского региона как в России, так и на Западе связаны с целым комплексом причин, в частности, с отсутствием необходимой информации, слабой выраженностью конкурентных преимуществ при трансляции какой-либо информации о регионе, неумением грамотно позиционировать и продвигать возможности региона и т. п. Поэтому столь значимой представляется трансформация некорректных представлений о Сибири, в частности, в сознании иностранцев.

«Пребывая за рубежом, жители различных городов Сибири вынуждены постоянно развенчивать мифы о «стране» своего проживания – «Сибирии», объясняя, что зима здесь не круглый год и водопровод не замерзает, что не все сибиряки беспрестанно пьют водку и что встретить медведя – большая редкость. Кроме того, регулярно приходится сталкиваться с наличием нулевого стереотипа, связанного с полным отсутствием какой-либо информации об объекте» [10, с. 264].

Для того чтобы получить общее представление об образе Сибири на Западе, достаточно просмотреть публикации в крупных западных изданиях и на интернет-порталах. Названия книг и статей говорят сами за себя: как мы уже отмечали, большой резонанс имела книга Ф. Хилл и К. Гэдди (F. Hill, C. Gaddy “Siberian Curse: how communist planners left Russia out in cold”. Washington, 2003), одна из публикаций журнала “Time” носит название «Изнасилование Сибири», где Сибирь рассматривается через метафору смерти и лишения (Therape of Siberia // Time. 1995. 4 September), в журнале “Newsweek” размещен материал «Сибирь: замученная земля» (Siberia: the tortured land // Newsweek).

Примеры можно множить, но общая тенденция и так очевидна.

Такая ситуация, безусловно, сигнализирует о необходимости репозиционирования сибирского региона. Естественно, позиционирование и репозиционирование территории – это длительный и трудоемкий процесс, и работа должна проводиться по нескольким направлениям – возвышение имиджа Сибири в глазах и россиян (в т. ч. и самих сибиряков), и иностранного сообщества.

Итак, с нашей точки зрения, составляющие имиджа региона (его основные структурные компоненты) могут быть реконструированы посредством методов когнитивного анализа.

В рамках данной статьи в фокусе нашего внимания находится структура концепта “Siberia” как ментального образования, представленного в сознании иностранцев – носителей английского языка.

Как правило, ядро концепта отражают зафиксированные в словарях дефиниции. Анализ словарных дефиниций онима “Siberia” (“Longman dictionary of English language and culture”, “Webster’s International Dictionary”, “Britannica” и др.) позволяет отметить, что географическое положение региона является одним из основных концептуальных признаков: Сибирь в первую очередь определяют как территорию России. Во всех словарных статьях даются «примерные» географические координаты Сибири. Это вполне закономерно, поскольку Сибирь в первую очередь является географическим объектом, который традиционно определяется через географическое положение. Кроме того, именно геополитическая компонента чаще всего является стержневой при формировании представления о какой-либо территории.

Так, в Словаре Вебстера (Webster’s International Dictionary) слово “Siberia” получает краткое толкование, которое транслирует основное значение: “**region in Asia, in Russia extending from the Urals to the Pacific** – регион в Азии, в России, который простирается от Урала до Тихого океана». Английская энциклопедия Britannica представляет Сибирь как «огромный (enormous) **регион России**, который занимает **северо-восточный квадрант Евразии** (occupies Eurasia’s northeastern quadrant) и составляет более **3/4 территории России** (three quarters of Russia’s

area). Сибирь больше Канады (**bigger than Canada**), которая, в свою очередь, является второй по величине страной в мире». В словарной статье приведено наглядное сравнение **пространства Сибири**: «регион настолько **велик (large)**, что жители штата Maine находятся ближе к Москве, чем коренные жители восточного побережья Сибири. До сих пор эта **обширная территория (vast territory)** преимущественно **безлюдна (empty)**, т. к. Сибирь занимает **23 % территории Евразии** (23 percent of Eurasian territory)» (Словарь Вебстера цит. по: [10]).

На основе словарных толкований ключевого слова “Siberia” можно сделать предварительные наброски структуры концепта “Siberia” в англоязычном сознании и представить его в виде полевого образования (табл. 1). Так, базовые слои концепта образуют характеристики месторасположения Сибири – «регион России», пространственные характеристики – «большая территория», описание «богатой природы» и «полезных ископаемых» края. В интерпретационное поле вошли следующие признаки: «территория от Урала до Тихого океана», «северная треть Азии», «23 % территории Евразии», «Западная Сибирь», «больше, чем Канада», «холодная», «советские тюрьмы», «река Иртыш», «озеро Байкал», «сибирская лайка» и т. д.

В качестве одного из этапов реконструкции концепта *Siberia* был проведен опрос информантов, в результате которого удалось выявить внешний субъективный имидж Сибири, отраженный в сознании носителей англоязычной лингвокультуры. В опросе участвовало 200 человек в возрасте от 12 до 75 лет, средний возраст опрошенных составил 31 год. При этом мужчин оказалось несколько больше, чем женщин – 62 и 38 % соответственно. Все опрошенные являются носителями различных культур, но в течение длительного времени проживают на территории США и свободно владеют английским языком. Респонденты выбирались случайным образом, т. к. опрос проводился в режиме реального времени на улицах г. Нью-Йорка и виртуально – посредством системы для проведения интернет-опросов “Monkey Survey”. Респондентам предлагалось дать от 1 до 5 ассоциаций, спонтанно возникающих в их сознании при упоминании Сибири. Кроме

того, им предлагалось ответить на следующие вопросы посредством выбора одного или нескольких ответов из предложенных вариантов. Желавшие могли дать собственный ответ или добавить какой-либо комментарий. Предложенный опросник выглядел следующим образом:

1. What are the first 5 words that you associate with the word "Siberia"?

(Какие пять слов приходят Вам на ум при упоминании Сибири?)

2. Define the borders of Siberia (Определите границы Сибири):

1) it's a separate country (это отдельная страна);

2) it's a part of Russia (это часть России);

3) it's a land beyond the Urals Mountain (это территория за Уральскими горами);

4) it's a part of China (это часть Китая);

5) I don't know (не знаю);

6) your variant _____ (Ваш вариант).

3. Who lives in Siberia? (Кто живет в Сибири?)

1) Nobody (никто);

2) Russians (россияне);

3) bears (медведи);

4) prisoners / exiles (заключенные);

5) Siberians (сибиряки);

6) different (diverse) nationalities (представители различных национальностей);

7) your variant _____ (Ваш вариант).

4. Do you think it is possible to live in Siberia? (Как Вы думаете, можно ли жить в Сибири?)

1) Yes (да);

2) no (нет).

Why? _____ (Почему?)

5. What is the average annual temperature in Siberia? (Укажите среднегодовую температуру воздуха в Сибири).

1) +10 °C;

2) -40 °C;

3) -50 °C;

4) none of the above mentioned (ни один из указанных вариантов);

5) your variant _____ (Ваш вариант).

6. Would you like to visit Siberia one day? (Хотели бы Вы съездить в Сибирь?)

1) Yes (да);

2) no (нет).

Why? _____ (Почему?)

7. Where did you learn about Siberia? (Откуда Вы узнали про Сибирь?)

1) The Internet (из Интернета);

2) friends (от друзей);

3) library (в библиотеке);

4) media (из СМИ);

5) personalexperience (на основании личного опыта).

8. Your sex (Ваш пол):

1) male (мужской);

2) female (женский).

9. Your age (Ваш возраст?)

10. Your country (Откуда Вы родом?)

В результате было получено 580 ассоциативных реакций на упоминание о Сибири. Интересно, что независимо от национальной и расовой принадлежности опрошенных кардинального различия в ассоциативных реакциях на слово «Сибирь» не наблюдается. Исключение составляют представители Китая, для которых Сибирь – соседняя территория, в результате большинство из респондентов, прибывших в США из Китая, хотели бы посетить Сибирь и могли дать довольно полные ответы на вопросы анкеты.

Для большей наглядности все ассоциативные реакции были разбиты на категории, которые представлены в табл. 2 по принципу частотности. В каждой из категорий были выделены субфреймы, которые, в свою очередь, были разбиты на слоты.

Рассмотрим каждую из выделенных категорий подробно.

Категория «Природа и география»

Как показывают результаты статистического анализа, представления о природных и географических характеристиках сибирского региона занимают центральной место в сознании носителей англоязычной лингвокультуры (452 примера – 78 % от общего количества ассоциативных реакций). Интересно, что в отличие от медиаобраза Сибири, формируемого СМИ, наибольший интерес у отдельных респондентов вызывают не особенности территории региона, а его климатические условия. Из представленной табл. 2 следует, что центральное место в структуре имиджа Сибири занимает субфрейм «Климат» (223 примера – 49,3 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «Природа и география»).

Таблица 1

Полевая структура концепта “Siberia” по данным словарных статей

Ядро	Базовые слои	Интерпретационное поле	Крайняя периферия
Siberia (Сибирь)	Регион России	территория от Урала до Тихого океана, северная треть Азии, 23 % территории Евразии, северо-восточный квадрант Евразии, Западная Сибирь, Восточно-Сибирское плоскогорье, Северо-Восточная Сибирь, Забайкалье, Камчатка	очень холодная, мало людей, сибирская лайка, сибирская язва, советские тюрьмы
	Богатая природа	реки (Обь, Иртыш, Лена, Енисей и др.), горные хребты, вулканы, озеро Байкал	
	Полезные ископаемые	уголь, нефть, газ	
	Большая территория	3/4 территории России, больше, чем Канада	

Таблица 2

Внешний имидж Сибири, реконструированный в результате анализа ассоциативных реакций, полученных в ходе опроса информантов

СУБФРЕЙМ	СЛОТ
1. Природа и география (452 реакции)	
Климат (223)	Снег (123); мороз (67); холод (28); ветер (5)
Характеристики территории (113)	Удаленность территории (64); большая площадь региона (35); труднодоступность (4); запретная территория (4); неизвестная территория (2); закрытая территория (1); изолированный регион (1); пустошь (2)
Фауна (30)	Хаски (9); тигры (8); северные олени (4); медведи (3); волки (3); собаки (3)
Географическое положение (25)	Точное определение географического положения (21); Сибирь – часть Китая (4)
Природные и климатические зоны (22)	Леса (15); тундра (4); тайга (3)
Неживая природа (22)	Горы (17), озера (5)
Топографические объекты (17)	Транссибирская железнодорожная магистраль (поезд) (14); сельская местность (2); Омск (1)
2. История (56 реакций)	
Место ссылки (51)	Концентрационные лагеря (14); ссылка (13); тюрьма (12); ГУЛАГ (12)
Исторические личности (4)	И.В. Сталин (3), А.И. Солженицын (1)
Историческое наследие (1)	Наследие СССР (1)
3. Экономика (25 реакций)	
Природные ресурсы (24)	Нефть (10); мех (7); обилие природных ресурсов (5); минералы (2)
Компании (1)	S7 (1)
4. Особенности национального характера (19 реакций)	
Личные качества сибиряков (8)	Дружелюбие (5); гостеприимство (3)
Внешность (8)	Красивые женщины (8)
Привычки (3)	Пьянство (3)
5. Чувства и эмоции (16 реакций)	
Отрицательные эмоции (6)	Страх (2); горечь (2); темнота (1); страдание (1)
Положительные эмоции (2)	Чувство свободы (1); хорошо (1)
Цвет (8)	Белый (8)
6. Социальная и политическая жизнь (10 реакций)	
Тяжелые жизненные условия (10)	Бедность (5); социальная нестабильность (3); война (1); убыль населения (1)
7. Культура (2 реакции)	
Знаменитые спортсмены (1)	М. Шарапова (1)
Деятели культуры (1)	Ф.М. Достоевский (1)

Жители Америки справедливо считают, что Сибирь – довольно холодный регион с суровым климатом. Это подтверждается устойчивым ассоциативным рядом: «снег» (123 примера), «мороз» (67 примеров), «холод» (28 примеров); «ветер» (5 примеров). Такой интерес к климату Сибири обуславливается тем, что далеко не во всех штатах США можно наблюдать снег в течение года, поэтому регион, который в течение как минимум 6–8 месяцев в году покрыт снегом, вызывает у американцев интерес. Неподдельное удивление вызывает информация о том, что летом в Сибири может быть довольно жарко, и в некоторых областях температура может повышаться до +40 °С. Интересно, что большинство респондентов, в чьих ответах доминировали ассоциативные реакции, связанные с суровостью сибирского климата, отрицательно ответили на вопрос «Хотели бы Вы съездить в Сибирь», мотивируя свой отказ опасением замерзнуть.

Таким образом, в процессе формирования положительного имиджа Сибири и повышения ее туристической привлекательности необходимо акцентировать внимание на наличии в составе региона территорий с континентальным и резко континентальным климатом, который может быть довольно комфортным весной и летом.

Вторым по частотности ассоциативных реакций стал слот «Характеристики территории» (113 примеров – 25 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «Природа и география»). Респонденты отмечали в своих ответах удаленность территории (64 примера), большую площадь региона (35 примеров) и его труднодоступность (4 примера). Данный факт также не способствует повышению туристической привлекательности региона, т. к. некоторые респонденты отмечали, что даже если у них и возникнет желание посетить Сибирь, они не смогут вынести столь продолжительного перелета. Кроме того, были примеры, отнесенные к слотам «Запретная территория» (4 примера), «Неизвестная территория» (2 примера), «Пустошь» (2 примера), «Закрытая территория» (1 пример), «Изолированный регион» (1 пример). Наличие в структуре внешнего имиджа Сибири подобных ассоциативных реакций говорит о необходимости предпринимать дополнительные усилия по

формированию позитивного отношения к региону, обращая внимание на его открытость и гостеприимство жителей.

Носители американской лингвокультуры неплохо знакомы с фауной региона (30 примеров – 6,6 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «Природа и география»). В качестве представителей сибирской фауны были названы ездовые собаки породы хаски (9 примеров), тигры (8 примеров), северные олени (4 примера), медведи (3 примера), волки (3 примера), собаки (3 примера). Вопреки растиражированному стереотипу о медведях, которые «свободно гуляют» по улицам сибирских городов, никто из респондентов не отметил медведей как обитателей сибирского региона, некоторые оставили иронические комментарии относительно того, что данный стереотип давным-давно не соответствует действительности.

Довольно неожиданным стало то, что большинство опрошенных точно знает, где находится Сибирь, и способны обозначить ее фактические границы. У некоторых респондентов субфрейм «Географическое положение» также отразился в ассоциативных реакциях (25 примеров – 5,5 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «Природа и география»). В 21 примере в качестве реакции на упоминание о Сибири была указана ассоциация с точным географическим положением региона, лишь 4 респондента предположили, что Сибирь – часть Китая. Кроме того, представители американской лингвокультуры имеют достаточно четкое представление о природно-климатических зонах Сибири (22 примера – 4,8 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «Природа и география»), объектах неживой природы (22 примера – 4,8 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «Природа и география») и отдельных топографических объектах (17 примеров – 4 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «Природа и география»). Респонденты отмечают красоту сибирской природы, упоминают леса (15), некоторые дифференцируют лесные массивы на просто леса и тайгу (3 примера), упоминают тундру (4 примера). Респондентов восхищает красота сибирских гор (22 примера) и озер (5 примеров), причем четыре респондента вспомнили непосредственно озеро Байкал.

Интересно, что основным топографическим объектом, ассоциирующимся с Сибирью, стала Транссибирская железнодорожная магистраль (14 примеров). Из сибирских городов был назван только Омск (1 пример), т. к. респондент был хорошо знаком с этим городом и не раз его посещал. В 2 случаях респонденты связали Сибирь исключительно с сельской местностью. Таким образом, необходимо проводить большую работу по привлечению внимания иностранцев к сибирским городам, что повысит их инвестиционную и туристическую привлекательность, т. к. спонтанных ассоциаций с конкретными населенными пунктами сибирского региона у опрошенных респондентов практически не возникло.

Категория «История»

Второй по частотности стала категория «История» (56 примеров – 9,7 % от общего количества ассоциативных реакций). Первый субфрейм – «Место ссылки» (51 пример – 91 % от всех ассоциативных реакций, отнесенных к категории «История»). Данный субфрейм состоит из слотов «Концентрационные лагеря» (14 примеров); «Ссылка» (13 примеров); «Тюрьма» (12 примеров), «ГУЛАГ» (12 примеров). Подобный результат был вполне ожидаем, т. к. данный субфрейм довольно ярко представлен и в структуре медиаимиджа Сибири. Интересно, что возраст респондентов-авторов подобных ассоциативных реакций варьируется от 29 до 72 лет. Однако, справедливости ради, нужно отметить, что если у представителей старшего поколения ассоциация с Сибирью как местом ссылки была самой первой, то у более молодых респондентов эта реакция была четвертой или пятой в ассоциативном ряду. Такая закономерность говорит о том, что в отношении имиджа Сибири намечаются некие положительные тенденции, и что регион постепенно перестает связываться с концентрационными лагерями и местом ссылки: ни у одного респондента моложе 29 лет такой ассоциации не возникло. У представителей старшего поколения негативный ассоциативный ряд продолжился упоминанием И.В. Сталина (3 примера) и А.И. Солженицына (1 пример), чьи имена неразрывно связаны с ассоциатами, описанными выше.

Кроме того, в ассоциативный ряд именно этих респондентов вошли реакции, имеющие

наиболее ярко выраженную отрицательную окраску: горечь (bitter), страдание (suffering), бедность (poverty). Один респондент в качестве ассоциации вспомнил обращение товарищ (tovarish), которое активно использовалось в период существования СССР.

Таким образом, необходимо отметить, что резко негативный имидж Сибири, сформированный в сознании жителей США во времена «холодной войны», постепенно приобретает положительную окраску, что не может не радовать. С другой стороны, в качестве перспективы дальнейшего исследования было бы интересно рассмотреть фактор влияния различных источников, включая СМИ, на процесс формирования имиджа Сибири в сознании представителей различных культур.

Категории «Экономика», «Культура», «Социальная и политическая жизнь», «Особенности национального характера», «Чувства и эмоции».

Все последующие категории были менее продуктивными, как, например, категория «Экономика», представленная всего 25 примерами (4,3 % от общего количества ассоциативных реакций). Респонденты указали, что Сибирь богата нефтью (10 примеров), мехами (7 примеров) и минералами (2 примера). 5 респондентов указали, что в Сибири имеются залежи различных природных ресурсов. Интересно, что наличие природных ресурсов никак не связывается респондентами с компаниями, занимающимися их добычей и переработкой.

Единственная российская компания, упомянутая респондентами – авиаперевозчик S7. Данный респондент указал, что получил сведения о Сибири благодаря собственному личному опыту, соответственно, можно предположить, что упоминание о компании вызвано не в связи со сформированным в общественном сознании имиджем компании, а по причине того, что этот отдельный респондент пользовался услугами данной компании.

Структура категории «Особенности национального характера» (19 примеров – 3,2 % от общего количества ассоциативных реакций) включает в себя субфреймы «Личные качества сибиряков» (8 примеров), «Внешность» (8 примеров) и «Привычки» (3 примера). Показательно, что в отличие от ме-

медиаобраза Сибири, в котором субфреймы данной категории конституировались слотами, отражающими как положительные, так и отрицательные качества сибиряков, здесь упоминаются исключительно положительные особенности характера жителей Сибири. Речь идет о дружелюбии (5 примеров) и гостеприимстве (3 примера) сибиряков.

8 респондентов отмечают, что в Сибири живут исключительно привлекательные женщины и девушки. Даже слот «Пьянство» (3 примера), включенный в субфрейм «Привычки», отражает позитивное отношение к ритуалу распития алкогольных напитков, т. к. все три респондента, указавших на данную особенность сибиряков, оставили комментарии относительно того, что были бы не прочь к ним присоединиться. Все респонденты, ассоциативные реакции которых вошли в данную категорию, имели опыт посещения Сибири и знают о ней не понаслышке.

В процессе анализа ассоциативных реакций респондентов на упоминание о Сибири была выделена дополнительная категория, отражающая чувственный аспект восприятия действительности, – «Чувства и эмоции» (16 примеров – 2,7 % от общего количества ассоциативных реакций). В нее были включены слоты, связанные с субъективными ощущениями и реакциями, возникающими у респондентов и вербализуемыми ими в ходе опроса. В данную категорию были включены три субфрейма: «Отрицательные эмоции» (6 примеров), «Положительные эмоции» (2 примера) и субфрейм «Цвет» (8 примеров).

Как говорилось выше, отрицательная эмоциональная реакция наблюдалась по большей части у респондентов, принадлежащих к старшему поколению (63–79 лет). Данная закономерность может быть обусловлена результатами антисоветской пропаганды, распространенной в США в годы холодной войны, а также весьма неоднозначным статусом Сибири в военные и послевоенные годы. К сожалению, субфрейм «Положительные эмоции» представлен всего 2 реакциями: «Чувство свободы», «Хорошо», которые явились вторичными ассоциациями в рядах «Гостеприимство (hospitality) – бескрайние просторы (lots of space) – чувство свободы (freedom)» и «Транссиб (Transsib) – хорошо (good) – женщины (women)». Однако наличие пусть небольшого количества поло-

жительных ассоциаций говорит об определенном потенциале, который необходимо развивать в процессе создания положительного имиджа региона. При анализе анкет был выделен и новый слот «Цвет», который не представлен в структуре медиаобраза Сибири. Вполне логичным является тот факт, что во всех 8 случаях ассоциации с цветом назван именно белый цвет. Эта ассоциация является вторичной, соседствуя в ассоциативных рядах с реакциями «снег», «холод», «мороз».

В категории «Социальная и политическая жизнь» (10 примеров – 1,7 % от общего количества ассоциативных реакций) был выявлен всего один субфрейм «Тяжелые жизненные условия», который составили слоты «Бедность» (5 примеров), «Социальная нестабильность» (3 примера), «Война» (1 пример), «Убыль населения» (1 пример). В данном случае ассоциации единичны, однако отсутствие позитивных реакций не может не настораживать. Общее впечатление от Сибири как от территории, уровень жизни жителей которой достаточно низок, не способствует повышению ее туристической и инвестиционной привлекательности. У респондентов складывается впечатление, что жить в Сибири невозможно (такой ответ на соответствующий вопрос дали 87 человек, т. е. 43,5 % от всех опрошенных, причем большая часть из них – женщины). В комментариях в качестве основных причин, осложняющих жизнь сибиряков, названы суровые климатические условия и социальная нестабильность.

Наименее представленной категорией стала категория «Культура» (2 примера – 0,3 % от общего количества ассоциативных реакций). При упоминании о Сибири респонденты вспомнили имена М. Шараповой (1 пример) и Ф.М. Достоевского (1 пример).

Кроме того, в рамках анкетирования респондентам был задан ряд вопросов, направленных на выявление знаний о Сибирском регионе и отношения к нему (например, вопросы о том, где находится Сибирь, кто населяет ее земли, какова среднегодовая температура и т. п. с вариантами ответов).

Наиболее часто встречающиеся ответы на вопрос «Определите границы Сибири» (Define the borders of Siberia) следующие: «Часть России» (Part of Russia) – 64,2 % и «Территория за Уральскими горами» (Land

beyond the Ural Mountains) – 16,4 %. 10,4 % опрошенных считают, что Сибирь – это отдельное государство (Separate Country). Затруднились с ответом 9 % респондентов.

Анализ ответов на вопрос «Кто живет в Сибири?» (Who lives in Siberia?) выглядит так: «Россияне» (Russians) – 38,8 %, «Сибиряки» (Siberians) – 22,4 %, «Представители различных национальностей» (Different nationalities) – 19 %, «Медведи» (Bears) – 14,9 %, «Заклученные / Ссылные» (Prisoners / Exiles) – 4,5 %. Многие респонденты совершенно справедливо считают Сибирь частью России, ответ «сибиряки» также совершенно логичен. Россия действительно многонациональная страна, поэтому можно смело предположить, что там проживают люди разных национальностей, это и сделала часть респондентов. Стоит отметить, что некоторые респонденты дали ответ, что «жителями» Сибири являются медведи, однако во всех случаях ответ был сформулирован в шуточной форме, т. к. мнение «Иностранцы думают, что у нас медведи по улицам ходят» является не более чем стереотипом. Некоторые респонденты, в ассоциативном ряду которых присутствовала реакция ГУЛАГ, ответили, что в Сибири проживают заключенные.

Мнения по вопросу «Какова среднегодовая температура в Сибири?» (What is the average annual temperature in Siberia?) разделились следующим образом: 49,3 % придерживаются ответа «–40 °C», 32,8 % считают, что правильный ответ «+10 °C», 10,4 % уверены, что это «–50 °C», а 7,5 % затруднились с ответом. Данные ответы, скорее всего, были спровоцированы стереотипами о суровости сибирского региона и постоянной минусовой температуре. Кроме того, многие респонденты пребывали в абсолютной уверенности, что в Сибири есть только одно время года – зима, хотя по данным открытых интернет-источников средняя годовая температура в Сибири составляет –5,5 °C.

Несмотря на определенное количество ассоциативных реакций, которые можно рассматривать как негативные, большинство опрошенных (68,7 %) считают, что жить в Сибири возможно (вопрос анкеты “Do you think it is possible to live in Siberia?”), и хотели бы посетить это место – 52 % (вопрос анкеты “Would you like to visit Siberia one day?”) (Хотели бы Вы приехать в Сибирь?). Однако

в сознании значительного количества респондентов данный регион представляется как дикая, холодная, загадочная местность, отмеченная негативными историческими событиями (ссылки, лагеря), соответственно, 23,9 % респондентам жизнь в Сибири не представляется возможной, а 48 % не хотели бы здесь побывать. 7,4 % опрошенных затруднились ответить, возможна ли жизнь в Сибири. Отсюда следует вывод, что немалая часть респондентов и не стремится развеять неверные стереотипы о холоде и пустынности данной местности. Интересно, что абсолютное большинство желающих побывать в Сибири – мужчины. Поездка в Сибирь представляется носителям американской лингвокультуры как рискованное, полное приключений мероприятие, настоящий мужской поступок. Женщины были более осторожны в своих ответах, большая часть не хотела бы побывать в Сибири из-за холодов, длительного перелета и предполагаемого низкого уровня жизни сибиряков.

Кроме того, в анкете присутствовал вопрос «Откуда Вы узнали про Сибирь?» (Where did you learn about Siberia?). Большинство информантов черпали сведения в сети Интернет – 26,9 %. Достаточно неожиданно, что одним из самых распространенных ответов был вариант «Библиотека» (Library) – 20,9 %. Менее частотными были ответы «СМИ» (Media) – 19,4 %, «Школа» (School) – 16,4 %, «Друзья» (Friends) – 11,9 % и «Личный опыт» (Personal Experience) – 4,5 %. Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что наиболее действенными продвижения положительного образа региона могут явиться публикации в сети Интернет и распространение печатной продукции через публичные библиотеки.

Рассмотрим полученные результаты с позиций туристического потенциала сибирского региона с учетом того, что ментальная установка в отношении того или иного объекта позиционирования является весьма значимой. Очевидно, что наиболее привлекательными для англоговорящей аудитории являются два компонента: богатство природного мира и экзотичность данного региона. Все остальные – столь значимые для формирования туристического бренда – компоненты нуждаются в уточнении и корректировке. При этом большое количество проблем свя-

зано не с негативными ментальными установками потенциального потребителя услуг, а с реальными недостатками территориального субъекта.

А.Ф. Горохов, говоря о туристических ресурсах местности, предлагает разграничивать два понятия – инфраструктура и суперструктура [12, с. 4-5]. *Инфраструктура* представляет собой весь комплекс базовых средств, необходимых для жизнеобеспечения местного населения и туристов: водопровод, канализация, электричество, дороги, связь и т. п. *Суперструктура* определяется А.Ф. Гороховым как совокупность вторичных ресурсов непосредственно туристического сектора: отели, пляжи, предприятия сервиса. Инфраструктура, таким образом, предстает как комплекс жизненно необходимых ресурсов для существования туристической дестинации. В противном случае территориальный субъект (даже при наличии рекреационных ресурсов) не может претендовать на роль туристического объекта.

Как мы видим, результаты анкетирования во многом неутешительны: Сибирь воспринимается не только как местность с богатыми природными ресурсами (красивая флора и фауна), но и как совершенно непригодный для туризма (и даже для проживания) регион (холод, безлюдные территории и пр.). При отсутствии в сознании потенциальной целевой аудитории представлений о приемлемой инфраструктуре в Сибири говорить о суперструктурных преимуществах сибирского региона, к сожалению, пока не приходится. Следовательно, мы сталкиваемся с трудноразрешимой проблемой: довольно высокий рекреационный потенциал Сибири и отсутствие базовых для развития туристической дестинации составляющих (знание языков местным населением, вежливость и доброжелательность не только обслуживающего персонала, но и жителей региона, чистота улиц и помещений и пр.). Как представляется, такого рода продукт вряд ли будет пользоваться устойчивым спросом: туризм в значительной степени держится на рекомендации места отдыха своим знакомым теми, кто уже побывал в данном регионе.

Таким образом, с одной стороны, Сибирь предстает как территория с уникальными характеристиками: возможности для промыслового (охота, рыбалка), экстремального,

познавательного, оздоровительного, спортивного туризма довольно высоки, что обеспечивает привлекательность региона как туристического объекта. С другой стороны, уровень инфраструктуры данной территории не позволяет обеспечить регулярную (устойчивую) потребляемость данного туристического продукта.

1. Варламова И.В. Имидж региона как репутационный капитал // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 167-172.
2. Васильконова Э.А. Развитие теории имиджа территорий как активного инструмента регионального менеджмента // Бизнес Информ. 2014. № 12. С. 463-468.
3. Воробьев В.П., Голубовская О.Л., Еремина Е.В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // Власть. 2014. № 11. С. 122-127.
4. Карлина М.М. Формирование инновационного имиджа региона // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 3. С. 126-129.
5. Полтинина Е.В. Имидж в системе факторов, определяющих конкурентоспособность региона // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 4. С. 77-82.
6. Сузи А.М. Формирование имиджа региона и гражданское участие // Власть. 2012. № 11. С. 46-47.
7. Jenes B. Theoretical and practical issues in measuring country image dimensions and measurement model of country image and country brand: abst. of Ph.D. dis. Budapest, 2012.
8. Ingrid M., Eroglu S. Measuring A Multi-Dimensional Construct. Country Image, Journal of Business Research. 1993. Vol. 28 (3). P. 191-210.
9. Шапкина Ю.В. Брендинг городов: особенности формирования бренда города // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2011. № 1. С. 46-53.
10. Терских М.В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинации // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 263-272.
11. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское проклятие: как коммунистические планы заморозили Россию. URL: http://www.situation.ru/app/j_arpt_547.htm (дата обращения: 18.09.2015).
12. Горохов А.Ф. Комплексный подход к формированию маркетинговой стратегии развития туристической дестинации: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 2007.

1. *Varlamova I.V.* Imidzh regiona kak reputatsionnyy kapital // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2014. № 1. S. 167-172.
2. *Vasil'konova E.A.* Razvitie teorii imidzha territoriy kak aktivnogo instrumenta regional'nogo menedzhmenta // Biznes Inform. 2014. № 12. S. 463-468.
3. *Vorob'ev V.P., Golubovskaya O.L., Eremina E.V.* Rol' regional'nykh brendov v formirovanii regional'noy identichnosti i imidzha territorii // Vlast'. 2014. № 11. S. 122-127.
4. *Karlina M.M.* Formirovanie innovatsionnogo imidzha regiona // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3. S. 126-129.
5. *Poltinina E.V.* Imidzh v sisteme faktorov, opredelyayushchikh konkurentosposobnost' regiona // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2014. № 4. S. 77-82.
6. *Suzi A.M.* Formirovanie imidzha regiona i grazhdanskoe uchastie // Vlast'. 2012. № 11. S. 46-47.
7. *Jenes B.* Theoretical and practical issues in measuring country image dimensions and measurement model of country image and country brand: abst. of Ph.D. dis. Budapest, 2012.
8. *Ingrid M., Eroglu S.* Measuring A Multi-Dimensional Construct. Country Image, Journal of Business Research. 1993. Vol. 28 (3). P. 191-210.
9. *Shapkina Yu.V.* Brending gorodov: osobennosti formirovaniya brenda goroda // Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy. 2011. № 1. S. 46-53.
10. *Terskikh M.V.* Imidzh Sibiri v aspekte brendinga turisticheskoy destinatsii // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 263-272.
11. *Khill F., Geddi K.* Sibirskoe proklyat'e: kak kommunisticheskie planoviki zamorozili Rossiya. URL: http://www.situation.ru/app/j_arpt_547.htm (data obrashcheniya: 18.09.2015).
12. *Gorokhov A.F.* Kompleksnyy podkhod k formirovaniyu marketingovoy strategii razvitiya turisticheskoy destinatsii: avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk. SPb., 2007.

Поступила в редакцию 19.10.2015 г.

UDC 81'27:811.111

"SIBERIA" CONCEPT IN THE CONSCIOUSNESS OF REPRESENTATIVES OF AMERICAN LINGUISTIC CULTURE

Marina Viktorovna TERSKIKH, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of General and Applied Linguistics Department, e-mail: terskihm@mail.ru

Evgeniya Dmitrievna MALENOVA, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department, e-mail: malenovae@mail.ru

Nowadays positioning of a region became a very important target of the research for many specialists in different fields: economics, PR, sociology, political science, linguistics, etc. Regional place branding has been an issue for all major spheres of the scientific and mass-media discourse lately. The attention is focused on strong interrelations of the image of different regions with image of Russia on the whole. Russia can be considered as some kind of a jigsaw puzzle consisting of a number of compact models of the geographic space, which are located in the consciousness of representatives of different nationalities and form the image of our country. At present the most part of negative stereotypes concerning Russia is connected with one of its largest regions – Siberia. The concept of "Siberia" is constructed to detect the specificity of Siberia perception image by the representatives of English speaking community, and to define its image-building potential. 200 representatives of English speaking community were questioned and the following conclusions were made: foreigners perceive Siberia not only as a region rich in natural resources (including flora and fauna), but also as a land inapplicable for tourism and even living (cold, empty territory). There is also a favorable tendency for the negative image of Siberia, formed during the "Cold War", to change and become more positive.

Key words: linguoconceptology; concept; frame; branding of a territory; Siberia.

УДК 811.13

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ЯЗЫКАХ РОМАНСКОЙ ГРУППЫ

© Михаил Михайлович ПЕТРУНИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры методики преподавания
гуманитарных дисциплин и лингводидактики,
e-mail: petrulin.mikh@yandex.ru

Анализ научной литературы позволил провести сравнительный анализ имени существительного в языках романской группы (на материале испанского, португальского, итальянского и французского языков) для дальнейшего одновременного (синхронного) преподавания данных четырех романских языков на основе их общности. Сравнительный анализ имени существительного позволил выявить следующие зоны конвергенции и дивергенции в лексико-грамматическом строе языков романской группы: категория существительного в рассматриваемых языках имеет общие сходства при определении рода существительных по окончаниям, при образовании женского рода существительных от соответствующего мужского и образование множественного числа. Однако французский язык в отличие от остальных обладает более сложной системой образования женского рода существительных и образования множественного числа. Данный факт существенно отличает французский язык от испанского, португальского и итальянского. Отмечено, что образование множественного числа в итальянском имеет специфическую систему, что крайне отличает его от систем испанского, португальского и французского языков. Особые случаи образования множественного числа существительных имеют свои особенности и заметно отличаются во всех языках, однако случаи употребления существительных схожи и обладают общими законами и правилами. Сделан вывод, что на основе выявленных сходств и различий можно разрабатывать методику одновременного изучения нескольких иностранных языков этой группы.

Ключевые слова: сравнительный анализ имени существительного в языках романской группы; одновременное изучение нескольких языков на основе их общности; романские языки.

С момента создания Европейского союза перед учеными объединенной Европы, переживающей небывалое слияние экономического и социального пространства между странами и народами Европейского континента, все острее встает вопрос полилингвизма. Европейские ученые и лингвисты последние десятилетия пытаются найти оптимальный способ внедрения одновременного преподавания и изучения нескольких иностранных языков. Подобная мощная интеграция Европы вовлекает вхождение России в единое европейское пространство. При расширении международного сотрудничества во всех сферах становится актуальным вопрос о формировании личности, владеющей несколькими иностранными языками.

Романская группа языков является самой распространенной в мире по числу говорящих. Помимо наиболее крупных испанского, португальского, итальянского и французского языков, в романскую группу также входят: каталанский, галисийский, ретороманский, румынский, провансальский, сардинский и др.

Определить точное количество языков романской группы довольно сложно, т. к. отсутствуют точные механизмы разделения «языка» и «диалекта» [1, с. 15-16].

Сегодня на романских языках говорят во Франции, Швейцарии, Бельгии, Испании, Португалии и ряде других стран Европейского континента, также испанский и португальский языки являются родными или одними из официальных языков практически всей Южной Америки. И наконец, французский, португальский, в большей степени, и испанский, в меньшей, являются государственными языками многих стран Африканского континента.

На романских языках проводятся теле- и радиоэфир, печатаются пресс-издания и некоторые романские языки являются рабочими языками международных сообществ, организаций, конгрессов, конференций и т. д. [1, с. 264].

Учитывая общий источник происхождения, Т.Б. Алисова, Т.А. Репина и М.А. Таривердиева утверждают, что единство проис-

хождения романских языков наблюдается в наличии у них общих черт и элементов, которые в этимологическом смысле восходят к соответствующим латинским [1, с. 273].

Нижеследующие примеры (табл. 1, 2) показывают родственную схожесть романских языков на материале испанского, португальского, итальянского и французского.

Таблица 1
Типы спряжений

лат.	фр.	ит.	исп.	порт.
sonare	sonner	sonare	sonar	soar
habere	avoir	avere	haber	haver
facere	faire	fare	hacer	fazer
sentire	sentir	sentire	sentir	sentir

Таблица 2
Общеупотребительная лексика

лат.	фр.	ит.	исп.	порт.
homo	homme	uomo	hombre	homem
panis	pain	pane	pan	pão
caelum	ciel	cielo	cielo	ceu
herba	herbe	erba	hierba	erva
vivus	vif	vivo	vivo	vivo
niger	noir	nero	negro	negro
venire	venir	venire	venir	vir

Из примеров видно, что романские языки за историю своего развития претерпели некоторые изменения в форме, хотя в целом их схожесть с латынью очевидна. Романские языки, в частности французский и итальянский, испанский и португальский, проявляют сходство особенно ярко в грамматике и лексике, а именно в формах существительных, местоимений, артиклей, предлогов, спряжении глаголов и глагольных времен, построением и структурой предложений, образовании степени сравнения прилагательных и т. д. (Сопоставительные таблицы морфологических форм романских языков, иллюстрирующие их генетическую общность, см. [2, с. 24-25]).

Ссылаясь на эти факты, приведем сравнение имени существительного французского, итальянского, португальского и испанского языков для выявления элементов полной и частичной конвергенции, и также элементов дивергенции, для построения методики полилингвальных грамматических навыков студентов при одновременном изуче-

нии вышеупомянутых языков на основе их грамматической общности.

Латинский язык имел три категории рода: мужской, женский и средний. Но в дальнейшем при переходе от народной латыни к романским языкам произошло исчезновение морфологической категории среднего рода. Существительные *м. р.* и *с. р.* 2 латинского склонения совпали по звучанию после отпадения конечных согласных *-m* и *-s* в народной латыни. Несколько латинских существительных *ср. р. мн. ч.* были осмыслены как *ед. ч. ж. р.* благодаря окончанию *-a*. При этом *ед. ч.* таких латинских существительных или исчезло, или, будучи осмысленно как имя *м. р.*, образовало отдельную лексическую единицу: лат. *ед. ч. folium* (лист бумаги) – *мн. ч. folia* (лист дерева), исп. *ед. ч. hoja*, фр. *feuille*, ит. *ж. р. foglia* (лист дерева), ит. *м. р. foglio* (лист бумаги) [1, с. 275].

Таким образом, во французском, итальянском, испанском и португальском языках осталось два рода – мужской и женский.

Большинство существительных мужского рода в испанском, португальском и итальянском языках оканчиваются на *-o*, а женского рода на *-a*. Во французском же, в отличие от вышеупомянутых языков, не так просто определить по окончанию род существительного. Но все же большинство существительных женского рода образуются путем прибавления к форме мужского рода окончания *-e* (и в этом случае конечный согласный произносится). Лучшим способом запомнить род – заучивать существительные с их определенным артиклем [3–7].

Но данное правило имеет исключения:

а) существительные, пришедшие из греческого языка и оканчивающиеся на *-ma*, *-ta*, являются словами мужского рода: *el idioma*, *o idioma*, *l'idioma* – язык; *el clima*, *o clima*, *il clima* – климат; *el poeta*, *o poeta*, *il poeta* – поэт; *el tema*, *o tema*, *il tema* – тема; *el sistema*, *o sistema*, *il sistema* – система; *el problema*, *o problema*, *il problema* – проблема; *el enigma*, *o enigma*, *il enigma* – загадка; *el telegrama*, *o telegrama*, *la telegramma* – телеграмма. Данное исключение подходит для испанского, португальского, итальянского и французского языков.

Французский язык так же сохраняет мужской род существительных, пришедших из греческого языка, но в отличие от испан-

ского, португальского и итальянского имеет окончания: **-me**, **-at** (l'idiome, le climat, le poète, le thème, le système, le problème, le télégramme). Слово *énigme* во французском языке женского рода.

el cometa, *o cometa* – комета – для испанского и португальского. В итальянском и французском языках слово «комета» женского рода: *la cometa*, *la comète*.

o planeta – планета – для португальского. В испанском, итальянском и французском языках это слово женского рода, т. е. образуется в соответствии с общим правилом.

Следует отметить, что существительные, оканчивающиеся на **-ma** и **-ta** (фр. **-me**, **-at**), но не связанные своим происхождением с греческим языком, являются словами женского рода: *la llama*, *a chama*, *la fiamma*, *la flamme* – пламя – для испанского, португальского, итальянского и французского;

la goma, *la gomma*, *la gomme* – резина – для испанского, итальянского и французского.

б) К словам мужского рода относятся также и некоторые другие существительные, оканчивающиеся на **-a**: *el mapa*, *o mapa* – карта; *el día*, *o día* – день, *el sofá*, *o sofá* – диван и др. – для испанского и португальского. В итальянском и французском языках род этих слов образуется в соответствии с общим правилом.

в) Несколько существительных, которые оканчиваются на **-o**, являются словами женского рода: *la mano*, *a mão*, *la mano* – рука (*la main* – во французском), *la foto*, *a foto*, *la foto* *la photo* – фотография, *la radio*, *a radio*, *la radio*, *la radio* – радио (в значении «радиовещание») и др. – для всех рассматриваемых нами языков [3].

Некоторые существительные в испанском, португальском и итальянском языках,

оканчивающиеся на гласный **-e** или **согласный (l, r, s, n, m)**, являются словами мужского рода. Например: *el café*, *o café*, *il caffè*, *le café* – кофе; *el puente*, *o ponte*, *il ponte* – мост (*le pont* во фр.); *el mes*, *o mes*, *il mese*, *le mois* – месяц, *el animal*, *o animal*, *il animale*, *le animal* – животное; *el país*, *o país*, *il paese*, *le pays* – страна; *el mar*, *o mar*, *il mare* – море (кроме фр.) Во французском данное существительное имеет женский род: *la mer*. Однако это правило имеет исключения. Словами женского рода являются следующие существительные, оканчивающиеся на гласный **-e** или **согласный (l, r, s, n, m)**: *el base*, *a base*, *la base*, *la base*; *la clase*, *a clase*, *la classe*, *la classe*; *la hambre*, *a fome*, *la fame*, *la faim*; *la muerte*, *a morte*, *la morte* – смерть (*la mort* во фр.); *la noche*, *a noite*, *la note* – ночь (*la nuit* во фр.); *la parte*, *a parte*, *la parte*, *la partie* – часть; *la flor*, *a flor* – цветок (*la fleur* во фр.). В итальянском данное слово мужского рода – *il fiore*; *la crisis*, *a crise*, *la crisi*, *la crise*; *la ellipsis*, *a elipse*, *la ellissi*, *la ellipse*; *la tesis*, *a tese*, *la tesi*, *la thèse* и др. [4–6].

Мужской род имеет большинство существительных со следующими окончаниями, которые имеют общее сходство и характерны для испанского, португальского, итальянского и французского языков (табл. 3).

Однако французская система флексий существительных мужского рода отличается большей сложностью, чем аналогичные системы в остальных рассматриваемых языках. Стоит отдельно рассмотреть отличающиеся от других языков окончания, присущие мужскому роду существительных: **-eau**, **-er**, **-ier**, **-teur**, **-ail**, **-ard**, **-as**, **-at**, **-et**, **-is**, **-on**, **-aire**, **-oir**.

Словами женского рода являются большинство существительных с окончаниями, представленными в табл. 4 [5; 7–9].

Таблица 3

Окончания существительных мужского рода

исп.	порт.	ит.	фр.
-o (el viento)	-o (o vento)	-o (il vento)	- (le vent)
-ismo (el giornalismo)	-ismo (o jornalismo)	-ismo (il giornalismo)	-isme (le journalisme)
-mento (el momento)	-mento (o momento)	-ment , -mento (il momento)	-ment (le moment)
-al (el general)	-al (o general)	-ale (il generale)	-al (le général)
-in (el jardín)	-im (o jardim)	-ino (il giardino)	-in (le jardin)
-ón (el camión, el limón)	-ão (o caminhão, o limão)	-on , -one (il camion, il limone)	-on (le camion, le citron)
-aje (el garaje)	-em (o garagem)	-age (il garage)	-age (le garage)

Таблица 4

Окончания существительных женского рода

исп.	порт.	ит.	фр.
-(c)ión (producción, formación)	-ção, -são (produção, formação)	-zione (produzione, formazione)	-sion, -tion (production, formation)
-d, -dad, -ud (verdad, virtud)	-dade, -ude (verdade, virtude)	-tà, -tù (verità, virtù)	-té, -tude (vérité, certitude)
-az, -ez, -oz, -uz (paz, vez, voz, luz)	-az, -ez, -oz, -uz (paz, vez, voz, luz)	-ce (pace, voce, luce)	
			-esse, -ette (maladresse, raquette)
			-ance, -ence (connaissance, concurrence)
			-ie, -aille (philosophie,

В табл. 5 представлены способы образования женского рода существительных испанского, португальского, итальянского и французского языков. Также в табл. 5 представлены особые случаи образования женского рода во французском языке.

Таблица 5

Способы образования женского рода существительных

исп., порт., ит.		фр.	
м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.
-o	-a	-	-e
- согл.	+ a	- согл.	+ e

Крайне важно рассмотреть особые случаи образования женского рода существительных от мужского, при которых происходит изменение основы (табл. 6). [5; 6; 8; 9].

Из табл. 3–6 видно, что французский крайне отличается своим способом образования женского рода существительных от остальных рассматриваемых языков.

Многие слова, обозначающие титулы и профессии, образуют женский род при помощи окончаний: исп. **-esa, -isa, -ina, -triz**; порт. **-esa, -essa, -isa, -ina, -triz**; ит. **-essa, -ina, -trice**; фр. **-esse, -ïne, -trice, -teuse**:

исп. (-esa) el duque – la duquesa – герцог – герцогиня;

порт. (-esa) o duque – a duquesa;

ит. (-essa) il duca – la duchessa;

фр. (-esse) le duc – la duchesse;

исп. (-ina) el héroe – la heroína – герой – героиня;

порт. (-ina) o herói – a heroína;

ит. (-ina) l'eroe – l'eroína;

фр. (-ïne) l'héros – l'héroïne;

исп. (-triz) el actor – la actriz – актер – актриса;

порт. (-triz) o ator – a actriz;

ит. (-trice) il attore – l'attrice;

фр. (-trice) l'acteur – l'actrice;

исп. (-isa) el poeta – la poetisa – поэт – поэтесса;

порт. (-isa) o poeta – a poetisa;

ит. (-essa) il poeta – la poetessa;

фр. (-esse) le poète – la poétesse.

Иногда существительные, называющие лиц или животных противоположного пола, образуются различными словами:

мужчина – el hombre, o homem, il uomo, l'home;

женщина – la mujer, a mulher, la donna, la femme;

отец – el padre, o pai, il padre, le père;

мать – la madre, a mãe, la madre, la mere;

конь – el caballo, o cavalo, il cavallo, le cheval;

кобыла – la yegua, a égua, la giumenta, la jument;

бык – el toro, o boi, il toro, le taureau;

корова – la vaca, a vaca, la vacca, la vache [4–6; 10].

Большинство испанских, португальских и французских существительных образуют множественное число путем прибавления окончания **-s**. В итальянском языке существительные образуют множественное число путем изменения окончания мужского рода **-o** на **-i**, и окончание женского рода **-a** на **-e**.

исп. **libro libro livre libro**;

порт. **livros livros livres libri**;

фр. **página página page pagina**;

ит. **páginas páginas pages pagine**.

Помимо общих правил в испанском, португальском, итальянском и французском языках также существуют другие формы образования множественного числа имен существительных. Каждый из рассматриваемых языков имеет свои особые случаи образования множественного числа, которые требуют отдельного рассмотрения, т. к. данный феномен существенно отличает их друг от друга, не оставляя возможности одновременного сравнения.

Особые случаи образования множественного числа существительных

Испанский язык:

В данном случае испанский язык представляется наиболее простым и легким для усвоения, т. к. имеет наименьшее количество отклоняющихся от общего правила случаев образования множественного числа существительных.

Существительные, оканчивающиеся в единственном числе на согласную, на -у или ударную гласную (кроме -é), образуют множественное число прибавлением окончания **-es**:

el país – los países – страна – страны;

la ciudad – las ciudades – город – города;

el rey – los reyes – король – короли;

la ley – las leyes – закон – законы;

el rubí – los rubies – рубин – рубины.

Стоит отметить, что у существительных, которые оканчиваются на **-z**, во множественном числе вместо **-z** ставится **-c**:

la voz – las voces – голос – голоса.

la vez – las veces – раз – разы.

Португальский и итальянский языки также не обладают сложным для усвоения количеством отклоняющихся от общего правила случаев образования множественного числа существительного. Отдельно стоит рассмотреть образование множественного числа во французском языке, т. к. в нем представлено большое количество исключений.

Французский язык:

Показателем множественного числа в гало- и иберо-романских языках стала морфема **S** для всех существительных. Однако в современном французском, после замолкания конечного **S**, оппозиция «ед. ч. / мн. ч.» передается чередованием гласных или изменением фонетической формы детерминативов, что отражено в табл. 7 [1].

Таблица 6

Особые случаи образования женского рода существительных от мужского, при которых происходит изменение основы

Мужской род	Женский род
-eur un danseur	-euse une danseuse
-teur un instituteur	-trice une institutrice
-f un veuf	-ve une veuve
-x un époux	-se une épouse
-e un nègre	-esse une négresse
-eau un jumeau	-elle une jumelle
-t un chat	-tte une chatte
-er, -ier un écolier	-ière une écolière

Носовой гласный в словах, заканчивающихся на **-en, -ien, -on, -ion, -an**, перестает быть носовым, а конечный согласный при образовании ж. р. удваивается: **-nne**

Таблица 7

Категория числа в современном французском языке

Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
-eu un jeu	-x des jeux	-al un journal	-aux des journaux
-au un noyau	des noyaux	-ail un travail	des travaux
-eau un tableau	des tableaux		

Некоторые существительные, оканчивающиеся на **-eu, -al, -ail**, образуют мн. ч. путем прибавления **-s**:

un pneu – des pneus un bal – des bals un éventail – des éventails un carnaval – des carnivals un festival – des festivals un rail – des rails

Во французском языке имеются существительные, которые употребляются только во множественном числе: **les environs** – окрестности, **les mathématiques** – математика, **les vacances** – каникулы Существительное **l'argent** – деньги употребляют только в единственном числе.

Рассматриваемые языки объединяет общность их употребления:

В испанском, португальском, итальянском и французском языках есть целый ряд существительных, которые употребляются лишь во множественном числе и не имеют форм единственного числа:

окрестности, окраины – **las afueras, as cercanías, i dintorni, les environs**;

пожитки – **los bártulos, os trapos, le carabattole, les hardes**;

хроника, летопись – **los fastos, os anais, i annali, les annales**;

очки – **las gafas, os óculos, i occhiali, les lunettes**;

кандалы – **los grillos, os grilhões, i ferri, les fers**;

сладости – **los dulces, os doces, i dolciumi, les douceurs**;

брюки, штаны – **los pantalones, as calças, i pantalonì, les pantaloons**.

Во французском слова «сладости» и «брюки» могут также использоваться в единственном числе.

Существует также целый ряд существительных, которые употребляются в единственном числе. К таким словам относятся:

а) имена собственные – **Juan, María, el Nevá, Moscú, España**;

б) стороны света и предметы, единственные в своем роде:

юг – **el sur, o sul, il sud, le sud**;

север – **el norte, o norte, il nord, le nord**;

горизонт – **el horizonte, o horizonte, l'orizzonte, l'horizon**;

солнце – **el sol, o sol, il sole, le soleil**;

луна – **la luna, a lua, la luna, la lune**;

в) вещества, материалы и ценные металлы:

золото – **el oro, o ouro, l'oro, l'or**;

молоко – **la leche, o leite, il latte, le lait**;

хлеб – **el pan, o pão, il pane, le pain**;

уголь – **el carbon, o carvão, il carbone, le charbon**;

г) абстрактные понятия, качества, присущие человеку:

существование – **la existencia, a existència, la esistenza, l'existence**;

радость – **la alegría, a alegria, la allegria, la allégresse**;

гордость – **el orgullo, o orgulho, il orgoglio, l'orgueil**;

д) собирательные существительные:

народ – **la gente, o povo, il popolo, le peuple**;

деньги – **el dinero, o dinheiro, l'argent** (в ит. данное слово во мн. ч. – **i soldi**);

молодежь – **la juventud, a juventude, la gioventu, la jeunesse**;

е) некоторые существительные (обычно имеющие суффикс **-ismo**) научных, политических, литературных и т. п. направлений, названия наук и религий:

импрессионизм – **el impresionismo, o impresionismo, il impressionismo, le impressionnisme**;

логика – **la lógica, a lógica, la logica, la logique**;

буддизм – **el budismo, o budismo, il buddismo, le bouddhisme**;

медицина – **la medicina, a medicina, la medicina, la médecine**.

Итак, сопоставительный анализ испанской, португальской, итальянской и французской систем имен существительных помог выявить зоны конвергенции и дивергенции этих языков. Можно утверждать, что категория существительного в рассматриваемых языках имеет общие сходства при определении рода существительных по окончаниям, при образовании женского рода существительных от соответствующего мужского и образование множественного числа. Но стоит заметить, что французский язык, в отличие от остальных, обладает более сложной системой образования женского рода существительных и образования множественного числа. Данный факт существенно отличает французский язык от испанского, португальского и итальянского. Особые случаи образования множественного числа существительных имеют свои особенности и заметно отличаются во всех языках, однако случаи употребления существительных схожи и обладают общими законами и правилами.

1. Алисова Т.Б., Ретина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию. М., 2007.

2. *Сергиевский М.В.* Введение в романское языкознание. М., 1954.
3. *Heatwole O.W.* Comparative Practical Grammar of French, Spanish and Italian. S.F. Vanni, 1949.
4. *Виноградов В.С.* Грамматика испанского языка. Практический курс. М., 2000. С. 2, 18-19.
5. *Нечаева К.К.* Португальский язык. Справочник по грамматике. М., 2009. С. 18-19, 23.
6. *Петрова Л.А.* Практическая грамматика итальянского языка. М., 2005. С. 8-10.
7. *Вьейар С.* Краткая грамматика французского языка / пер. с нем. С. Вьейар. М., 2004. С. 5-6, 8.
8. *Берингер А.* Краткая грамматика испанского языка. М., 2006. С. 10-12.
9. *Зельнер М.А.* L'italiano. Краткая грамматика итальянского языка. Важнейшие сведения по грамматике с примерами. М., 2009. С. 2, 4, 8-9.
10. *Ваяхина А.В., Войтова И.В., Куриленкова Т.Н.* Справочник по грамматике французского языка. Guide de grammaire française. Мн., 2006.
11. *Попова И.Н., Казакова Ж.А.* Грамматика французского языка. М., 2000. С. 3-4, 7-9.

1. *Alisova T.B., Repina T.A., Tariverdieva M.A.* Vvedenie v romanskuyu filologiyu. М., 2007.

Поступила в редакцию 20.10.2015 г.

UDC 811.13

COMPARATIVE ANALYSIS OF NOUNS IN THE ROMANCE LANGUAGES

Mikhail Mikhaylovich PETRUNIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Senior Lecturer of Methods of Teaching Humanitarian Disciplines and Linguodidactics, e-mail: petrunin.mikh@yandex.ru

The scientific works are analyzed and a comparative analysis of the noun in Romance languages (on the basis of Spanish, Portuguese, Italian and French) is made. The possibility of simultaneous learning of Spanish, Portuguese, Italian and French based on the lexical and grammatical similarities of these languages is discussed. Comparative analysis of nouns revealed the following areas of convergence and divergence in the lexical and grammatical structure of the Romance languages: nouns have common similarities in gender identification of nouns by their endings, the formation of feminine nouns and formation of plural nouns. However, French unlike Spanish, Portuguese and Italian, has a complex system of forming feminine and plural. This fact distinguishes French language from Spanish, Portuguese and Italian. Also Italian has a specific system of forming plural, which is very different from that of Spanish, Portuguese and French. Special cases of formation of plural forms of nouns have their own characteristics and are markedly different in every language, but uses of nouns are similar and have common rules. It is concluded that on the basis of revealed areas of convergence and divergence in the lexical and grammatical structure of the Romance languages, it is possible to develop a method of simultaneous study of several foreign languages of this group.

Key words: comparative analysis of the noun in Romance languages; simultaneous study of several languages on the basis of their lexical and grammatical similarities; the Romance languages.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

ПОВЕСТЬ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ВОСЬМЕРКА» В ЭКРАНИЗАЦИИ АЛЕКСЕЯ УЧИТЕЛЯ. СЮЖЕТНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ИЛИ СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО?

© Ирина Михайловна ПОПОВА

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой русской филологии,
e-mail: postmaster@kaf russ.tstu.ru

Сопоставлен художественный текст повести Захара Прилепина «Восьмерка» с одноименным фильмом Алексея Учителя, созданным по сценарию Александра Миндадзе, выявлены особенности сюжетной интерпретации кинематографического сценария и экранизации. В результате анализа сделан вывод, что и писатель, и режиссер, и сценарист правильно поняли главную проблему нашего времени, показав ее истоки и причины, воссоздав ельцинскую эпоху развала СССР в конце 1990-х гг., продемонстрировав «срез эпохи» на судьбах четырех омовцев, бывших «афганцев». Представлен краткий анализ наиболее значимых рецензий и отзывов об экранизации повести «Восьмерка», подчеркивающих отсутствие истинного понимания проблем, поставленных в произведении и его кинематографической интерпретации. На основе кинематографической критики и путем сопоставления художественного текста повести «Восьмерка» и кинофильма по ней аргументировано, что разными эстетическими приемами художественной литературы и кинематографа оба художника создают не «боевик или мелодраму», не рассказ о «страсти» З. Прилепина, а утверждают одну и ту же идею: в результате духовного кризиса XX в. (революции и гражданской войны, сталинских репрессий и распада страны в 1991 г.) в обществе обесценилась человеческая личность, стала нормой беспрецедентная жестокость, были утеряны истинные нравственные ориентиры и смысл человеческой жизни. Современный человек ощущает глубокое одиночество и «бogoоставленность», потеряв традиционные представления о семейных ценностях, об истинной любви.

Ключевые слова: инсценировка; интерпретация; сюжетное варьирование; диалогизм; символика цвета и звука; графические символы; кинематографичность; цикличность; сверхтекстовое единство; код культуры.

Известно, что экранизация художественного произведения является по сути одним из видов межкультурной интертекстуальности, который называется сюжетным варьированием и предполагает изменение, т. е. «перевод» художественного произведения с языка одного вида искусства на язык другого вида искусства (в данном случае из художественной литературы в кинематограф). Зачастую этот процесс сопровождается и изменениями в трактовке авторского первоначального замысла [1, с. 282]. В любом случае сюжетное варьирование (синхронное или диахронное) предполагает создание эффекта прямого диалога между претекстом и текстом-реципиентом. При этом обнаруживается углубленное полифоническое содержание обоих произве-

дений, даже если сюжетное варьирование «асимметричное», т. е. сатирическое, пародирующее, контрастное [2, с. 272]. В данном случае мы имеем дело с прямым, т. е. симметричным варьированием содержания повести Захара Прилепина, которое связано исключительно с переводом его на язык кинематографа.

Эти творческие процессы хорошо видны при сопоставлении экранизированной режиссером Алексеем Учителем повести З. Прилепина «Восьмерка» [3].

Фильм, вышедший на экраны страны в 2014 г., вызвал большой интерес у зрителей, появилось множество положительных откликов в Интернете и СМИ. Но текст З. Прилепина воспринимали как «боевик», «секспо-

весть», «динамичный, современный: эротика, погони, драки – адреналин в чистом виде» [4]. Были даже заявления такого рода: «Восьмерка» А. Учителя в каком-то смысле выворачивает повесть наизнанку, демонстрируя, насколько преходяще и изменчиво то, что в первоисточнике <...> В кинотеатральном варианте живая и пульсирующая повесть о молодости превратилась в историю о любви, оду дружбе, мрачное напоминание о цикличности истории и гортанную песнь уже не о поколении дворников и сторожей, но о боевитых парнях в униформе и кожаных куртках, которые похожи, словно близнецы, хоть и разбросаны по разные стороны баррикад» [5].

Особенно привлекала рецензентов «биографичность» повести З. Прилепина: «Фильм Алексея Учителя не дает оценок, а молча фиксирует поэтизированную быль, описанную в отчасти автобиографической повести Захара Прилепина, которую перековал в сценарий Александр Миндадзе (сам З. Прилепин мудро отказался, но вместе с А. Учителем они составили трио, занимавшееся адаптацией произведения)» [5].

Поверхностно была понята и причина изменения финала повести: «Сохранив сюжетную канву, А. Миндадзе переписал финал, некоторые отношения между персонажами и вывел любовную линию между Герой и Аглаей, которая у З. Прилепина была робкой фантазией, уютно зародившейся в голове Германа, но так ни во что настоящее и не вылившейся» [5].

В одной из рецензий говорилось также о том, что «Восьмерка» – один из лучших фильмов Алексея Учителя, что это «колотритная актерская киноработа. И хотя даже сценарий писал не он, а А. Миндадзе, все равно этот фильм – прежде всего Прилепина», – писал Антон Долин [4]. Прилепинское, по мнению этого автора, то, что режиссер увидел и воссоздал «романтическое противостояние омовцев и бандитов» и произвел «невольное подведение итогов русского XX века». Но все же рецензент склоняется к убеждению, что фильм и повесть – это только «история любви», с чем нельзя согласиться, поскольку анализ повести дает совершенно иное представление о главной идее. А. Долин утверждает, что суть сюжета сводится к любовной истории: один из четырех

центральных героев «влюбляется в девушку с незнакомым именем Аглая (имя актрисы-дебютантки звучит еще красивее: Вильма Кутавичюте), местную принцессу, и, разумеется, подругу криминального авторитета по кличке Буц. Отныне противостояние обретает неожиданно романтический смысл. Стенка на стенку, с предсказуемо трагическим финалом – менты против бандитов. Справедливость, социум, закон здесь ни при чем: только битва самцов за самку» [4].

Таким же образом понял «Восьмерку» и автор рецензии «Экранизирована история страсти Захара Прилепина» [6]. Он подчеркивает: «Кино о нескольких днях накануне 2000-го г. Пока простой народ готовится к встрече нового тысячелетия, четверо омовцев тщетно ловят местного авторитета, подмявшего под себя весь город (можно понять, что это Нижний Новгород, хотя снимали в Питере). Параллельный сюжет: внезапная страсть, вспыхнувшая между одним из героев и любовницей того самого Буца. Любовный треугольник приносит всем кучу проблем – и дырка в животе оказывается далеко не самой страшной» [6].

Ссылаясь на интервью З. Прилепина, критики уверены, что тот факт, что готовый фильм во многом не похож на повесть З. Прилепина, никого не смущает, даже самого автора «Восьмерки», и приводят следующее высказывание З. Прилепина: «Сюжет видоизменен: одного героя ввели, другого вывели, третьего убили, четвертого заново родили... Я совершенно равнодушно к этому отношусь, с легкостью. Мне важно, чтобы человек посмотрел фильм, а потом прочитал книжку и узнал, как все было на самом деле» [6].

Но есть и другие, более точные, но не достаточно аргументированные восприятия эстетического смысла экранизации А. Учителя и повести З. Прилепина: «Бег на месте тут, как в песне В.С. Высоцкого, – общеприемлемый. Внутри «Восьмерки» вращаются десятки повторяющихся шестеренок, которые с одного ракурса похожи на метафору русского быта, с другого – на сравнительно достоверный портрет страны, которая куда-то ухнула одним зимним вечером, когда куранты собрались бить двенадцать, а первый президент России с узнаваемым говором произнес сакральное «Я устал, я ухожу» [5].

Расставить объективные правильные акценты в этом вопросе возможно только путем сопоставительного анализа прилепинской повести и ее экранизации с опорой на художественный текст и на сценарий фильма А. Учителя.

В начале фильма режиссером вводится символ бесконечности и безысходности: лента Мебиуса, – в форме лежащей восьмерки.

«Символ – это абстрактная реальность, воплощенная в конкретный знак, способный передать сложнейшие логические понятия, идеи, мистические явления и состояния» [7].

Ленту Мебиуса еще называют «петлей». Важно, что этот «непрерывный объект» не сминается при сжатии и давлении, как характер русского человека. Генетический код, по мнению ученых, также имеет форму ленты Мебиуса. Очевидно, режиссер хочет сказать, что происходит смена эпох, поколений, но ничего по сути не меняется в человеке: все продолжает двигаться по сугробам в фильме «Восьмерка» – русская тройка.

В мерцающей огнями «лежащей» восьмерке, напоминающей движение машины по развязке кольцевой дороги, заложена ассоциация с двойной бесконечностью: с движением истории России, с ее невысказанными выражениями судьбы и «закольцованностью» социальных процессов, замкнутостью в своей мистической роли в мире; а также с ощущением необъятности пространства. Об этом знаке восьмерки, который сопровождается в фильме звуковым эффектом эха, напоминает необозримая широта просторов России.

Символ «восьмерки» также вызывает аналогии с кажущейся тупиковостью ситуации периода развала великой державы, в которую страна попала в конце 1990-х гг., когда шло жесточайшее сопротивление криминала, когда началась борьба попавшего под колесо истории простого русского рабочего «люда», оказавшегося без работы или без зарплаты в атмосфере начинающегося хаоса и гражданской войны, когда, по словам автора-повествователя: «Медленно звереющие и живущие исключительно продажей лома заводчане могли, например, забить гостей разводными ключами» [3, с. 39].

Звуковое и зрительное (световое) оформление фильма символично вдвойне: звуки предают уже с первого эпизода ощущение бездонного пространства, нахождения героя

в звонкой пустоте подземной емкости, какой-то гигантской цистерны, очевидно, этим звучанием подчеркнуто одиночество центрального героя Германа и его друзей в противостоянии зарождающейся капиталистическо-прагматической системе отношений в стране. В финале Герман размышляет: «Всюду огромная земля, на ней лежат камни и разное железо, а сверху над землей небо, а за ним еще небо, и вообще черт знает что – и ты вообще один тут. Ну, т. е., нет никаких друзей толком, даже матери нет – торчишь один смешной, как вафельный стаканчик, даже еще смешнее... Один!» [3, с. 106]. Герои пришли с Афганской войны, они ожесточены, измучены, духовно испытывают «бogo-оставленность», надеются только на свою силу, потому что видели на войне только жестокость и смерть.

Световая символика (фильм черно-белый), высвечивание особо значимых укрупненных деталей призваны подчеркивать идею авторского замысла, определять концептуальность того или иного эпизода, учитывая, что «интертекстуальность – один из способов трансляции так называемого кода культуры» [8, с. 203].

В повести З. Прилепина такой символики нет, зато точно указано время года и дана оценка краткой фразой: «На улице холодно, седьмое марта, мерзость» [3, с. 27]. Последнее оценочное слово, имеющее корень «мерз», – холод, мороз передает не только мартовскую распутицу, но и душевное состояние персонажей в художественном тексте. Их души «отморожены», нечувствительны, они не сочувствуют окружающим их людям.

Так, Герман, когда видит избитых его друзьями бандитов, лежащих «вялыми полутрупами» в углу, равнодушно взирает на их позы: один свернулся «как плод в животе», другой вытянулся, как плинтус, «третий, засунув голову между коленей <...> получил почти колобок <...> колобок сидел в луже крови и подтекал» [3, с. 33].

Даже влюбившись в Гланьку, Герман воспринимает ее то как мину с часовым механизмом, «которой не терпится взорваться», то как «пиранью, рвущую на волокна чресла наивным пловцам» [3, с. 35].

Если человек сравнивается омовцем Германом с животным или механическим

предметом, то еда очеловечивается: плов сопоставляется с «младенцем на морозе» [3, с. 36].

Языковые формы оценки людей заменены в сценарии фильма на зрительные образы. Например, мысли Германа об унижительной грубости и нелепости отношений между мужчиной и женщиной, сведенных к «трению друг о друга», в результате чего оба «истираются в хлам» [3, с. 46], заменены на показ крупным планом с подсветкой соблазнительных форм тела танцующей в ночном клубе Гланьки. То, что Герман цинично думает о пошлости любовных отношений на фоне разрисовывающего газетный портрет первого президента России Лыкова, говорит о том, что «гадость внутри» носят все персонажи «Восьмерки». Они, «служители государства», не могут не понимать ничтожество и цинизм власть предержащих: Лыков взял у детей красные и синие карандаши и разрисовал «большое опухшее лицо первого президента. – Сегодня застроим эту коблу, – резюмировал Лыков... выводя кровавый сияк» [3, с. 52].

И в фильме также противостояние идет не «за самку», как писали многие блогеры, а за поруганную и расчлененную Россию. Это доказывается введением режиссером А. Учителем сцены сдерживания омоновцами бунтующих рабочих, одетых в одинаковые серые робы, на заводском дворе, повторенную дважды в экранизации повести «Восьмерка». Об этом говорят и укрупненные кадры: «Грязная, некогда белая «восьмерка» утрамбовывает снег, выписывая восьмерку бесконечности посреди белоснежного поля. Рядом бежит лихой русский человек – омоновец Герман. Колеса крутятся. Герман бежит. По рельсам несется поезд. Кулак врывается в скулу. Кровь течет по щеке или подбородку» [5].

Четверо друзей не просто избивают и в повести, и в фильме ребят Буца, но впадают в такой раж, что «засматриваются» на жестокие драки, а потом уничтожают поверженных на землю еще и еще, словно объявляя им, «что они никто, а новое имя их – пыль и гнилье» [3, с. 59], а затем хохочут долго и с наслаждением. Поэтому так много у А. Учителя и у З. Прилепина сцен с драками. Но фильм – не боевик, как заявляли многие, экранизация рассказывает о страшной эпохе распада духовности. Прав автор следующего отзыва в Интернете: «Смысл ленты заключа-

ется не в том, чтобы показать на экране зрелищные погони, перестрелки, драки, красивые эротические сцены (куда уж без них?) и прочие атрибуты, свойственные жанру боевика. Фильм, прежде всего, о людях и их жизненных позициях и устремлениях. Действие происходит в конце мрачных девяностых годов прошлого столетия – эпохи завершения ельцинского правления в России. Бездушная бюрократическая машина без зазрения совести окунула простого рабочего люда прямоком в яму с помоями, и каждый начал выживать в силу своих способностей и «состояния» совести. Одни остались работать на полуразрушенных предприятиях за копейки, другие, более сильные, стали заниматься бандитизмом и рэкетом. Четверо главных героев, сотрудников ОМОНа, днем разгоняют толпы митингующих, недовольных сложившейся ситуацией в стране, а во тьме ночной вступают в стычки с местной бандой» [9].

Поэтому черный и серый цвета на фоне белого «самые ходовые» и в фильме, и в повести: черные ночные улицы, темные лестничные пролеты, темные квартиры, где «даже лампочка такая, что лучше ее не включать – даже по виду квялая и липкая, как обсосанный леденец. Включишь ее – и она с треском лопнет над самой головой» [3, с. 60].

Мало света, и торжество тьмы ощущается везде, в т. ч. «в душах людей». Холод, «ужасный бардак», «одежда чернеет на вешалках», «ненависть в душах. «Ненавижу с детства таких улыбчивых парней», – признается Герман Гланьке [3, с. 64]. ОМОновец Грех жестоко мучает «малолетку», чтобы тот сказал, где Буц. Герман не слушает и не хочет слышать рассказ Гланьки о родителях, а только следит за ее телом, мечтая о прикосновении к нему. Лыкову «отбили голову, когда он боксировал в юности», поэтому он всегда дрался, «ликуя», радуясь, что уничтожает подобных себе, не задумываясь о своей беспредельной нечеловеческой жестокости. Так же жестоки и другие персонажи.

При анализе повести (а затем и кинофильма «Восьмерка») необходимо обратить особое внимание на вписанность этого произведения в цикл пелевинских рассказов и повестей под одноименным названием, который издается З. Прилепиным отдельной книгой. Цикл – это единое художественное образование с общими героями, одними и теми

же проблемами и мотивами, утверждающими авторскую эстетическую сквозную мысль. Эти «циклообразующие» элементы дополняют друг друга, во всей полноте представляя замысел писателя.

Первая повесть, открывающая цикл «Восьмерка», называется «Витек» по имени основного героя, семилетнего мальчика, которому жизнь преподнесла и уроки красоты, любви, и уроки жестокости взрослых по отношению к животным и друг другу. В детстве человек еще отстраняется от жестокости, пытается уйти в сторону, не понимает ее причины, тянется к добру и любви. Но опыт детства ранит и терзает душу, оставляя навсегда незаживающие рубцы [3, с. 25], – такова позиция автора-повествователя, открывающая книгу «Восьмерка». Именно за рассказом «Витек» следует повесть, давшая название всему циклу. После «Восьмерки» идет повесть «Допрос» о жестокости, которая сводит с ума, но воспринимается как норма жизни.

Обострение, рецидив жестокости, по убеждению З. Прилепина, был характерен для эпохи раскола СССР, потому что царили клевета, обман, равнодушие к ближнему, хаос, идущие от самого верха до низов общества.

Вот так описывает З. Прилепин продажу завода «нерусским гостям»: «Гости вроде как собирались восстанавливать производство. Но нехитрое чутье почему-то уже подсказывало, что, откатив нашему градоначальнику и купив завод за копейки, они тут же его обанкротят. Видимо, чтобы не мешал другому такому же производству, уже работающему на гостей где-нибудь в азиях» [3, с. 25].

З. Прилепин показывает развращающее влияние Запада и в семейных отношениях. Друзья омовцы пренебрежительно зовут девушек «дурами», а русское слово «любить» замещают выражением «делать любовь, «заняться сексом» с «весенними подружками», «как коты» [3, с. 56]. Авторская отрицательная позиция проявляется при описании драк («раздался отвратительный хруст [выбитых зубов. – И. П.], будто обломили подсохший, но крепкий сук» [3, с. 56], «вой раненого», «дурацким голосом захрипел Грех» [3, с. 57]. Об этом говорят и многие другие детали, в т. ч. грязный мат, висающий в воздухе при насилиях, совершаемых обеими сторонами побоища.

Такое же неприятие жестокости, как было у Витьки в детстве, передается и писателем, и режиссером фильма, который сумел уловить его в прилепинском тексте. Сцена игры троих друзей с мышью говорит о том, что жестокость не оставляет ничего живого в душе человека, делая его «монстром»: после победной драки с Буцем трое друзей «прыгали по мартовским лужам, пытаясь ее [мышь. – И. П.] затоптать» [3, с. 68]. Повествователь комментирует так: «Праздник поломал какой-то тип в кожанке» [3, с. 68].

Убийство живой природы, «тварного мира» в целом стало едва ли не единственным праздником удовольствия для друзей Германа, называемых в многочисленных интернет-откликах «настоящими мужчинами». Знаменательно, что физиономия Греха из открытой и радостной и счастливой мгновенно превратилась в «свирепую»: «Казалось бы, – удивляется персонаж, – те же глаза, тот же нос, те же губы...» [3, с. 68].

Герман считает «мерзотным» поступок Греха, облившего «лопатой мерзлой грязной жижи из ближайшей лужи» девушку, из-за которой, но не по ее воле, произошла драка [3, с. 70], и то, что его друг бил лопатой даже девушек, просто оказавшихся рядом. Но главное для друзей – победа над противником. И никакого сожаления по поводу искалеченных людей у ОМОНовцев нет. Они глумятся над лежащими в больнице ранеными. Эта сцена повторяет подобную ей в романе «Обитель», когда Артем в лагерной больничке издевается над Жаброй [10].

То, что А. Учитель поместил ее в свой фильм, говорит о единомыслии обоих художников, видящих, в каком духовном вакууме находится молодежь, попавшая в сложную социальную ситуацию «развала». И в фильме, и в повести показано, что обе противоборствующие стороны, хоть и считают «зверьем» только других, сами ведут себя хуже зверей. Но Герман размышляет о главном для себя, о том, что бандиты – «новая расейская слизь, имеющая славу бесстрашного зверья, запросто рвущего невинных людей на части – оказалась ломкой и пугливой» [3, с. 82].

Все считают себя невинными, но все одинаково полны «человеческим бешенством, возражать которому не имело смысла» [3, с. 83]. Так Герман, называя себя «само-

званным опричником» при новых порядках, удивлялся, почему «опричная злоба не пригодилась», и желал спросить «с государя, почему он столь глуп и слаб» [3, с. 84]. С себя никто не собирается спрашивать.

Авторская параллель с эпохой Ивана Грозного, дающая отрицательную оценку ельциновскому правлению, очень важна, поэтому ее повторяет командир ОМОНцев, правда, он призывает служить «государю и пьяному, и дурному» и не обижать его наместников, обзывая при этом и охранников «бешеными скотами» и «драными псами» [3, с. 86].

Художественный текст повести показывает, что социальная составляющая является только платформой для показа низкой духовности центральных персонажей, поэтому и в фильме главное не «история страсти Прилепина», а показ «бездобродетности», потери истинного смысла человеческой жизни, демонстрация страданий человека от одиночества и «богооставленности» в жестоким мире.

«Восьмерка» – это многогранный символ для З. Прилепина, отлично схваченный режиссером А. Учителем. Советский автомобиль восьмой модели, на котором друзья ездят, как на танке, уничтожая бандитов и «новых русских», символизирует еще и старую советскую Россию до перестройки: ее выносливость, умение переживать трудности.

На «восьмерке» Лыков совершает убийство Буца – сбивает его. В автомобиле друзья предают друг друга, предлагая убить Гальку и Германа, полностью обнаруживая свою скотскую сущность. Автомобиль всегда вывозил четырех друзей из любых передраг. Попав под фуру, он спас их от расправы за смерть Буца и вышел из аварии «юным», возродившимся.

«Восьмерка» становится символом возрождения России после «попадания под колеса истории».

Финал повести печален: спившаяся беременная Гланька, которая любила Буца и не выдержала его гибели; спившийся Шорох, окончательно опустившийся Грех, потерявший доверие отца Лыков. Особенно выразителен страдающий от отсутствия любви Герман, мысленно пытающийся переделать свою жизнь, но не способный на реальные действия, «убитый» ненавистью и презрением Аглаи.

В фильме завершение сюжета выглядит более «романтично», чем в повести: гибнет не только Буц, но и сидевшая с ним в автомобиле Гланька. Крупным планом показана ее мертвая голова, окутанная светом на фоне крошечной ночи и тьмы внутри «восьмерки». Но и в повести З. Прилепина, и в фильме А. Учителя понятно, что Буца по сути довели до убийства неумной ненавистью четверо друзей, прошедших «сквозь Афган».

В фильме усилена идея невинности жертвы, которой оказалась «любвеобильная» Гланька. Финал экранизации менее пессимистичен, чем прилепинский. Но суть двух интерпретаций одна: ненависть губит все вокруг, уничтожая даже живые души людские, в которых в результате остается только гулякая пустота, предчувствие которой было у героя-повествователя в первой сцене кинокартины. «В идее свободы мы разочаровались: с этой свободой настал такой разврат, что туши свет» [11, с. 85].

Заканчивается повесть тем, что Гера, глядя вокруг себя, видит свое ничтожество: «ниточку пульса», «земляничку мозга». Герой задает себе вопрос о смысле жизни: «На что тут смотреть вообще». И ставит «пешку судьбы» на прежнее место. «А зачем как-то еще, если уже есть так, как оно есть» [3, с. 107]. К герою приходит смирение и примирение со своей жизнью.

Таким образом, сравнительно-синхронический анализ сюжетного варьирования литературного текста З. Прилепина и экранизации А. Учителя позволяет сделать следующие выводы: режиссер-сценарист правильно понял авторскую интенцию, заключавшуюся в показе исторического среза эпохи 1990-х гг. путем обнажения духовной и душевной пустоты молодого поколения России, прошедшего через страшные испытания Афганской войны и оставшегося с «выжженными душами», в которых проросла только жестокость и озлобленность к миру.

Думается, что режиссер А. Учитель учел и цикличность книги «Восьмерка» в целом, потому что создал в фильме по сути не простое сюжетное варьирование, а сверткостное транжанровое единство. К такому выводу приводит не только проблематика и единая эстетическая стратегия, но и общая аксиологическая идея фильма и повести.

1. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. *Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М., 2011.
3. *Прилепин З.* Восьмерка. М., 2015.
4. *Долин А.* Птица-восьмерка: первая экранизация Прилепина. URL: <http://vozduh.afisha.ru/cinema/pticavosmerka-pervaya-ekranizatsiya-prilepina/> (дата обращения: 15.10.2015).
5. *Филиппов А.* Вечный двигатель. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/pr/3402/> (дата обращения: 15.10.2015).
6. *Марков М.* Экранизирована история страсти Захара Прилепина. URL: <http://www.ridus.ru/news/158759> (дата обращения: 15.10.2015).
7. *Жабелова А.Ж.* Символ в предметном поле эстетики // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4 (12). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/zhabelova.pdf> (дата обращения: 15.10.2015).
8. *Бабенко Н.Г.* Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. М., 2010.
9. *Лежнев Н.* Фильм «Восьмерка» «Три раза «Голубую любовь» – для братвы!». URL: <http://starbom.com/news/film-vosmerka-tri-raza-golubuyu-lyubov-dlya-bratvyi#sthash.48nczHOB.dpuf> (дата обращения: 15.10.2015).
10. *Прилепин З.* Обитель: роман. М., 2015.
11. *Прилепин З.* Летучие бурлаки. М., 2015.

Поступила в редакцию 28.10.2015 г.

UDC 82

ZAKHAR PRILEPIN'S WORK OF ART "THE FIGURE-OF-EIGHT" IN FILM VERSION OF ALEKSEI UCHITEL. PLOT VARIATION OR SUPER TEXT UNITY?

Irina Mikhaylovna POPOVA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Philology Department, e-mail: postmaster@kafruss.tstu.ru

Zakhar Prilepin's work of art "The Figure-of-Eight" with Aleksei Uchitel's film of the same name made on the basis of Aleksander Mindadze's screen version are compared and the peculiarities of plot interpretation in film adaptation and screening are pointed out. As a result, it has been concluded that both the writer and the director as well as the scriptwriter got into the inside of the main problem of our time, revealing its sources and reasons, recreating the Eltzin epoch of the USSR break-up in the end of the 1990s showing "the epoch section" in the fate of four riot squad officers, former "Afghan war participants". The most significant reviews and comments about the film "The Figure-of-Eight" pinpointing lack of true comprehension of the problems set in the story and its screen adaptation are analyzed. Based on the film criticism and comparing the story "The Figure-of-Eight" and its film version, it is proved that both artists have created not a "blockbuster or melodrama" and not Z. Prilepin's "passion" but by means of different artistic devices they have asserted one and the same ideas: human personality lost value in the society; unprecedented cruelty became normal; true moral guidelines and purport of human life were lost as a result of the spiritual crisis of the 20th century (revolutions, civil wars, Stalin's repressions and the country's break-up in 1991). The contemporary man feels deep loneliness and a sense of being forgotten by God having lost traditional ideas of family values and genuine love.

Key words: screen version, interpretation, plot version, dialogue feature, colour and sound symbolism, graphic symbols, film looking, cyclicity, super-text unity, culture code.

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 378

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИННОВАЦИОННЫХ ПРИЕМОВ И ТЕХНИК

© Гульмира Аманкызы КАСЕН

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, кандидат педагогических наук,
и. о. профессора, e-mail: alia80.80@mail.ru

© Алия Маликовна КУДАЙБЕРГЕНОВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и образовательного менеджмента,
e-mail: alia80.80@mail.ru

Описан практический опыт преподавания в высшей школе с применением инновационных приемов и техник. Отмечая, что в массовой практике высшего образования характерно игнорирование субъективной мотивационной основы обучения, приводят попытки изменить ситуацию в преподавании на основе анализа исследований. Опираясь на опыт В.Я. Ляудис в обозначении изменившегося представления о предмете научного психологического знания и включении в контекст его изучения многообразия и гетерогенности форм рационального познания, рассматривают преподавание не как трансляцию знаний, а как сложную, многогранную, многоаспектную и эффективную основу организации учебной деятельности. Отмечая, что переход к субъект-субъектной парадигме образования предполагает определенные изменения в характере взаимодействия педагога и обучающихся и то, что эти изменения должны в первую очередь затрагивать отношения участников образовательного процесса, применяемые формы и методы обучения, подход к оценке взаимодействия, выделяют в качестве одной из ключевых проблем высшей школы – повышение эффективности взаимодействия преподавателей и студентов. Обобщив сущностные характеристики взаимодействия с точки зрения этих позиций, несколько «углубляют» понятие «взаимодействие обучающего и обучающихся в образовательном процессе». В связи с тем, что в качестве ведущей цели взаимодействия обучающего (педагога) и обучающихся (студентов, магистрантов, докторантов) они рассматривают развитие личностей взаимодействующих сторон, то и понятие «взаимодействие» в данном аспекте рассматривается как многогранное и глубокое явление, состоящее из взаимопознания, взаимоотношения, взаимопонимания, взаимных действий и взаимовлияния. Обращаясь к проблеме взаимодействия, отмечено, что оно не самоцель, а важнейшее средство, необходимый способ решения поставленных задач, а эффективность его определяется, прежде всего, развитием личности взаимодействующих субъектов, степенью достижения результатов в соответствии с теми задачами, которые ставятся в образовательном процессе. Реализация предлагаемой модели интеграции взаимодействия субъектов образовательного процесса и элементов новых образовательных технологий, по мнению авторов, – это своего рода личностно-ориентированная педагогическая технология, основанная на персонализации (адекватном включении в процесс взаимодействия личностного опыта всех его субъектов). Многие психологические техники и методы являются особо оптимальными для создания взаимопознавательной и «взаимопонимательной» атмосферы учебного занятия. Особой популярностью в опыте авторов пользуется прием ИНСЕРТ и его применение в лекциях. Лекция-инсерт является не только активизирующей мышление студентов формой занятия, но и методом, стимулирующим эффективное взаимодействие субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: взаимодействие; взаимопознание; взаимопонимание; персонализация; лекция-инсерт.

Несмотря на то, что преподавание является упорядоченной деятельностью педагога по реализации целей образования (комплекса

обучающих, развивающих и воспитательных задач), основанной на информировании, содействии в осознании и практическом при-

менении знаний обучающимися, оно в большинстве случаев рассматривается более узко – как трансляция знаний. Мало того, для многих преподавателей характерно полное игнорирование субъективной мотивационной основы обучения.

Попытки изменить ситуацию в преподавании психологии предпринимались не раз, но самым запоминающимся явился опыт В.Я. Ляудис в обозначении изменившегося представления о предмете научного психологического знания и включении в контекст его изучения многообразия и гетерогенности форм рационального познания [1].

К сожалению, эти попытки и новые взгляды на преподавание психологии и психолого-педагогических дисциплин широко не популяризировались в высшей школе Республики Казахстан, что естественно привело к т. н. нами «кризису преподавания психологических дисциплин в вузе».

Опираясь во многом на взгляды В.Я. Ляудис [1, с. 6-17] мы считаем, что преподавание должно быть представлено не как трансляция знаний, а как сложная, многогранная, многоаспектная и эффективная основа организации учебной деятельности – процесс, состоящий как минимум из пяти подпроцессов:

1) проектирования дидактической стратегии управления процессом формирования познавательной деятельности студентов в изучении психолого-педагогических дисциплин;

2) опережающего управления процессом развития познавательной деятельности с помощью таксономии учебных задач и подбора активных и интерактивных методов обучения;

3) интеграции видов интеллектуальной деятельности в процессе обучения психолого-педагогическим дисциплинам;

4) системной организации многообразных учебно-воспитательных и проблемных ситуаций, репрезентирующих многообразие психологических явлений и событий;

5) создания ситуаций совместной продуктивной и творческой деятельности на основе взаимодействия как условия для соразвития личностей преподавателя и студентов.

Переход к субъект-субъектной парадигме образования предполагает определенные изменения в характере взаимодействия педа-

гога и обучающихся. Прежде всего, эти изменения затрагивают отношения участников образовательного процесса, применяемые формы и методы обучения, подход к оценке взаимодействия. Одной из ключевых проблем высшей школы является повышение эффективности взаимодействия преподавателей и студентов, что непосредственно влияет на качество обучения.

Изучение генезиса проблемы взаимодействия субъектов образовательного процесса позволило выявить несколько разных позиций:

1) гуманное, но одностороннее отношение к обучающемуся со стороны педагога (Н.А. Добролюбов, К.Д. Ушинский, В.А. Сухомлинский и др.);

2) планомерное воздействие на обучающегося с целью формирования заданных качеств – можно сказать, что это принцип педагогики советского периода;

3) разработка и внедрение в педагогический процесс идеи сотрудничества в отдельных исследованиях определяется как совместная деятельность преподавателя и обучающихся, которая характеризуется достижением определенных целей (Ш.А. Амонашвили, В.Я. Ляудис, Э.Д. Днепров и др.);

4) изучение проблемы взаимодействия субъектов образовательного процесса с позиций гуманистической парадигмы и утверждение приоритета субъект-субъектных отношений (В.Ю. Пятаков, С.М. Джакупов, В.А. Сластенин, Н.Ф. Радионова, Е.Н. Шиянов и др.).

Помимо этого существует и современный подход к проблеме взаимодействия, пока не нашедший отражение в учебника и учебных пособиях, но определяющий его новую роль в процессе организации эффективного образовательного процесса (М.В. Старцев). Данным исследователем взаимодействие субъектов образовательного процесса в вузе определяется как процесс проявления индивидуальных способов действий и общения преподавателя и студентов, направленных друг на друга, определяемых их функционально-ролевыми и личностными позициями, следствием которых являются взаимные изменения в деятельности, общении, отношениях участников педагогического процесса, а также их личностное развитие [2].

Обобщив сущностные характеристики взаимодействия с точки зрения этих позиций,

мы несколько углубили понятие «взаимодействие обучающего и обучающихся в образовательном процессе». В связи с тем, что в качестве ведущей цели взаимодействия обучающего (педагога) и обучающихся (студентов, магистрантов, докторантов) мы рассматриваем развитие личностей взаимодействующих сторон, то и понятие «взаимодействие» в данном аспекте мы рассматриваем как многогранное и глубокое явление, состоящее из взаимопознания, взаимоотношения, взаимопонимания, взаимных действий и взаимовлияния. Все эти составные части или элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Чем лучше знают и понимают друг друга субъекты определенной деятельности (в данном случае – образовательной), тем больше у них возможностей для формирования положительных личных и деловых отношений, тем эффективнее их совместная деятельность, т. к. больше шансов прийти к согласию, договориться о совместных действиях. В свою очередь, совместные дела обучающихся и обучающихся позволяют лучше узнать друг друга, способствуют усилению их влияния друг на друга.

Механизмами, запускающими эти элементы взаимодействия, выступают, на наш взгляд, такие интегративные феномены, как срабатываемость и совместимость.

Срабатываемость – это феномен, характеризующий совместную деятельность людей с точки зрения ее успешности: определяется количеством, качеством, скоростью, оптимальной координацией действий партнеров и основывается на взаимном содействии. Срабатываемость со временем превращается в слаженность и ведет к продуктивности и эффективности учебной деятельности.

Совместимость достаточно хорошо изучена в психологии, но более упрощенная формулировка ее такова: максимально возможная удовлетворенность партнеров друг другом и высокая когнитивная идентификация. Для совместимости во взаимодействии ведущим является эмоциональный фактор, влияющий на глубокое понимание и сопереживание партнеров по взаимодействию.

При оптимальной срабатываемости в образовательном процессе главным источником удовлетворения является совместная учебная деятельность, при оптимальной совместимости этим источником служит мно-

госторонний и многоаспектный процесс общения субъектов.

Обращаясь к проблеме взаимодействия, необходимо помнить, что оно не самоцель, а важнейшее средство, необходимый способ решения поставленных задач. А эффективность его определяется, прежде всего, развитием личности взаимодействующих субъектов, степенью достижения результатов в соответствии с теми задачами, которые ставятся в образовательном процессе.

Особый интерес для нас вызывает технология развития критического мышления, т. к. она имеет свои специфические особенности: опора на высокий уровень самостоятельности студентов в учебном процессе; организация поиска аргументов для решения проблемы; непринятие сведений на веру. При этом поиск аргументированных ответов происходит на основе рефлексии, выявления неизвестного.

В США с 1980-х гг., а в европейских странах с 1990-х гг. развитие критического мышления стало одной из основных целей образования. В качестве основного инструмента для организации активного обучения в рамках педагогической технологии «Развитие критического мышления через чтение и письмо», разработанной в середине 1990-х гг. американскими преподавателями (Дж.Л. Стилл, К.С. Мередит, Ч.А. Темпл и С. Уолтер), рассматривался прием инсерт [3].

Сама технология «Развитие критического мышления через чтение и письмо» состоит из нескольких фаз:

- 1) вызов (то, что воспитанник уже знает по теме);
- 2) осмысление (что узнал);
- 3) рефлексия (отбор информации).

Особо хотелось бы остановиться на фазе осмысления, где, как уже было выше сказано, главным приемом является инсерт – работа с информацией с разметкой или маркировка текста с его разметкой.

Фаза осмысления после фазы «вызов» имеет цель систематизировать знания по теме, дать возможность осмыслить материал, т. е. приведение информации в логический порядок, кроме инсорта предполагается чтение с остановками, перекрестная дискуссия, прием «ЗХУ» – знаю, хочу узнать, узнал.

ИНСЕРТ – звуковой аналог условного английского сокращения (INSERT –

Interactive Noting System for Effective Reading and Thinking) – буквально переводится как интерактивная система записи для эффективного чтения и размышления или самоактивирующаяся системная разметка для эффективного чтения и размышления [4, с. 16-20].

Данный прием в лекции предполагает смысловой анализ текста, актуализацию имеющихся знаний, реализуется в четыре этапа и может сопровождать всю лекцию.

1 этап: Обучающимся предлагается система маркировки текста, чтобы подразделить заключенную в нем информацию [4] следующим образом:

«V» – «галочкой» помечается то, что им уже известно;

«–» – знаком «минус» помечается то, что противоречит их представлению;

«+» – знаком «плюс» помечается то, что является для них интересным и неожиданным;

«?» – «вопросительный знак» ставится, если что-то неясно, возникло желание узнать больше.

2 этап: Читая текст, студенты должны помечать соответствующим значком на полях отдельные абзацы и предложения. Знакомство с текстом и его маркировка может производиться в течение всей лекции, при этом лектор может давать свои комментарии по ходу чтения.

3 этап: Обучающимся предлагается систематизировать информацию, расположив ее в соответствии со своими пометками в следующую таблицу [4]:

№ п/п	V	+	–	?
1				
2				

4 этап: Последовательное обсуждение каждой графы таблицы. Работая над заполнением таблицы, студенты выявляют свои представления или более конкретные знания по изучаемой теме и это помогает им прийти к новому знанию.

Предметная область использования данного приема помимо лекции: учебные тексты с большим количеством фактов и сведений, он позволяет обучающимся отслеживать собственное понимание информации; напомним, что под «текстом» также подразумеваются речь и видеоматериал. Прием способствует развитию аналитического и критического

мышления, для преподавателя служит средством отслеживания понимания материала [4].

Предложенные значки могут быть заменены другими символами по вашему усмотрению. Например, вместо «+» можно использовать «!», вместо «V» можно использовать «:» (обозначающее слово «поясняю»), главное – использовать четкие критерии ранжирования информации.

Этапы ИНСЕРТА соответствуют трем стадиям развития критического мышления: вызов, осмысление, рефлексия [3].

В нашей практике преподавания психологических дисциплин нами широко используется модификация приема ИНСЕРТ – лекция-инсерт, основной организационной задачей которой является отслеживание восприятия обучающимся изученного материала, поддержка их активности и интереса к более сложному по содержанию учебному материалу. Также графическая форма работы в отличие от устной (когда студентам можно и отсидеться) делает лекцию увлекательной и насыщенной. То есть повышает эффективность лекции, учитывая то, что некоторые студенты на занятии (в особенности лекционном) не прикладывают значительных интеллектуальных усилий, а предпочитают дожидаться момента, когда другие выполнят предложенную задачу (например, обобщения услышанного материала, конкретизации приведенной преподавателем информации и т. п.).

Инновационность данной формы занятия, на наш взгляд, заключается в том, что еще до организации основной работы в рамках чтения лекции она помогает понять, что можно сказать по данной теме, позволяет систематизировать уже имеющиеся знания.

Немаловажным аспектом при проведении лекции-инсерт является систематизация всей информации (темы, раздела или модуля) с помощью графического варианта «метода свободных ассоциаций». Это необходимо для того, чтобы они смогли, с одной стороны, увидеть собранную информацию в «укрупненном» категориальном виде, при этом в эту структуру могут войти все мнения: «правильные» и «неправильные». С другой стороны, упорядочивание и графическое изображение мнений позволит увидеть противоречия, нестыковки, «непроясненные» моменты, которые и определяют направления даль-

нейшего поиска в ходе изучения новой информации. Причем для каждого из обучающихся эти направления могут быть индивидуальными. Студент или магистрант сможет определить для себя, на каком аспекте изучаемой темы он должен заострить свое внимание, а какая информация требует только проверки на достоверность.

Можно использовать прием ИНСЕРТ не в течение всей лекции, тогда он предназначается для снятия проблемы неосмысленного конспектирования и пассивного прослушивания лекции. Например, во время слушания лекции или просмотра (фильма, презентации и т. п.) необходимо делать на полях пометки, а после этого заполнить таблицу, схему (или «пустое пространство») на специальном бланке. При этом преподавателем на инсерт-бланке (или карточке) могут быть даны «частично заполненные» схемы или таблицы (для логического осмысления информации и соотнесения готовых знаний с новыми) или же представлены «пустые» графы для самостоятельного заполнения (в целях формирования большей внимательности на лекции и активности восприятия).

Например, одной из важных форм организации эффективного личностного взаимодействия является смысло-поисковый диалог, он направлен на формирование у обучающихся своей субъектной картины мира в отличие от однозначных «программных» представлений.

Следующей важной и значимой в нашем опыте преподавания формой взаимодействия с обучающимися является включение учебных задач в контекст жизненных проблем.

Необходимо также отметить, что многие психологические техники и методы являются особо оптимальными для создания взаимопонимательной и «взаимопонимательной» атмосферы учебного занятия:

1) методы усиления регулирующих функций психики, направленные в первую очередь на развитие эмоционального самоконтроля, улучшение саморегуляции в процессе взаимодействия;

2) методы нормативно ценностной коррекции, позволяющие вырабатывать соответствующее конечной цели «самоактуализирующее» поведение, корректировать дезадаптацию в образовательном процессе, возникшую на фоне личностного непонимания, раз-

вивать и совершенствовать рефлекссию, развивать умение преодолевать стрессовые ситуации в обучении.

Также эффективно использование четырех основных групп техник и приемов.

1. Пластико-когнитивные техники, взятые из курса, разработанного в рамках пластико-когнитивного подхода в телесной-арт-терапии В.Н. Никитиным (1998) [5]. Эти техники основываются на концепции исследования форм самовыражения человека посредством тела, движения, голоса и работы с художественным пластическим материалом.

Основными задачами при использовании этих техник являются:

1) исследование семантики невербального пространства человека;

2) освоение приемов саморегуляции на основе знания психофизических и социально-психологических особенностей индивидуальности;

3) аутоанализ – освоение психотехник внутреннего «погружения»;

4) создание собственного продуктивного социального имиджа посредством коррекции: форм тела, способов невербального самовыражения, интонации голоса, выразительности речи, характера взгляда, выражения лица, проигрывания и освоения социальных ролей.

2. Приемы каузометрии – это приемы исследования субъективной картины жизненного пути и психологического времени личности, предложенные Е.И. Головахой и А.А. Кроником (1982) [5].

Каузометрия относится к числу биографических методов и направлена на описание не только прошедших, но и предполагаемых будущих этапов жизненного пути. Именно в этом отношении использование приемов каузометрии поможет получить сведения о масштабности, осмысленности и реализованности замыслов человека, об особенностях его стиля жизни и удовлетворенности своим прошлым, настоящим, будущим.

3. Блок смыслотехнических упражнений:

1) на развитие умений самоподдержки («диалог с самим собой», «вечерний пересмотр событий», «лейбл и ярлык» и пр.);

2) на снижение эффекта отрицательных и для закрепления эффекта положительных факторов («психологическая диета», «дерево добра и силы»);

3) на развитие установок (стратегии постановки жизненных целей, техники конструктивного отношения к жизненным трудностям, техники моделирования деятельности).

4. В рамках социально-психологического тренинга мы активно включаем личность в игровые методы, используем различные психогимнастические упражнения. Это также обусловлено рядом коррекционных задач:

- развитие общительности и диалогичности мышления;
- формирование умений самораскрытия (произвольного и непроизвольного с помощью невербальных и вербальных средств) как у преподавателя, так и у обучающихся;
- обучение речевому и невербальному самопредъявлению, направленному на формирование истинного представления о своей личности.

Итак, можно сказать, что реализация предлагаемой модели интеграции взаимодействия субъектов образовательного процесса и элементов новых образовательных технологий – это своего рода личностно-ориентированная педагогическая технология, основанная на персонализации (адекватном включении в процесс взаимодействия личностного опыта всех его субъектов).

Необходимо также отметить, что многие психологические техники и методы являются особо оптимальными для создания взаимопознавательной и «взаимопонимательной» атмосферы учебного занятия. Так, преподаватель при организации лекции-инсерт выступает в роли штурмана, направляющего корабль знаний в правильное русло, давая своим подопечным «карту» краткого и эффективного маршрута, комментируя непонятные отрывки текста, отвечая на вопросы обучающихся и тем самым проясняя «незнакомый маршрут с рифами и скалами».

Отмечая эффективность лекции-инсерт, мы можем также сказать, что графическая организация материала, сопровождающая слушание и понимание лекционного материала, отражает взаимоотношения между идеями, показывает ход мыслей. Процесс мышления, скрытый от глаз, становится на-

глядным, обретает видимое воплощение, а маркировка текста, заполнение таблицы по нему и дальнейшее ее обсуждение выступают как способы организовать размышление над полученными знаниями.

1. *Ляудис В.Я.* Методика преподавания психологии. М., 2000.
2. *Старцев М.В.* Системно-квалиметрический подход к оценке взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2006.
3. *Грудзинская Е.Ю., Марико В.В.* Активные методы обучения в высшей школе. Учебно-методические материалы по программе повышения квалификации «Современные педагогические и информационные технологии». Н. Новгород, 2007.
4. *Темпл Ч., Стил Дж., Мередит К.* Чтение, письмо и обсуждение для любого учебного предмета: подготовлено в рамках проекта «Чтение и письмо для Критического мышления». Пос. Ш. М., 1997.
5. *Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Томск, 2004.

1. *Lyaudis V.Ya.* Metodika преподаvaniya psikhologii. M., 2000.
2. *Startsev M.V.* Sistemno-kvalimetricheskij podkhod k otsenke vzaimodeystviya sub"ektiv obrazovatel'nogo protsessa v vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Tambov, 2006.
3. *Grudzinskaya E.Yu., Mariko V.V.* Aktivnye metody obucheniya v vysshey shkole. Uchebno-metodicheskie materialy po programme povysheniya kvalifikatsii "Sovremennye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii". N. Novgorod, 2007.
4. *Templ Ch., Stil Dzh., Meredit K.* Chtenie, pis'mo i obsuzhdenie dlya lyubogo uchebnogo predmeta: podgotovleno v ramkakh proekta "Chtenie i pis'mo dlya Kriticheskogo myshleniya". Pos. Sh. M., 1997.
5. *Zalevskiy G.V.* Fiksirovannye formy povedeniya individual'nykh i gruppovykh sistem. Tomsk, 2004.

Поступила в редакцию 10.11.2015 г.

UDC 378

TEACHING EXPERIENCE WITH THE USE OF INNOVATIVE METHODS AND TECHNIQUES

Gulmira Amankyzy KASEN, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Candidate of Pedagogy, Acting Professor, e-mail: alia80.80@mail.ru

Aliya Malikovna KUDAYBERGENOVA, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Pedagogy and Educational Management Department, e-mail: alia80.80@mail.ru

Practical experience of teaching in higher education institute using innovative methods and techniques are described. Noting that in mass practice of higher education is a characteristic feature to disregard for the subjective motivation basis of teaching, the attempts to change the situation in teaching based on the analysis of the research are made. Based on the experience of V.Y. Laudis in the designation of changed perceptions on the subject of scientific psychological knowledge and inclusion in the context of its study of the diversity and heterogeneity of rational knowledge forms, teaching is considered not as a translation of knowledge, but as a complex, multifaceted, multidimensional, and effective through training activities. Noting that the transition to a subject-subject paradigm of education assumes certain changes in the nature of the interaction between teacher and students and that these changes should primarily affect attitudes of participants of educational process, applied forms and methods of training, approach to the assessment of interaction, is identified as one of the key problems of higher education – improving the efficiency of interaction between teachers and students. Summarizing the essential characteristics of the interaction from the point of view of these positions, the concept of “interaction of teaching and learning in the educational process” is “deepened”. Due to the fact that the leading goal of interaction learning (teacher) and students (students, undergraduates, doctoral students) they see the development of individuals interacting parties, and the concept of “interaction” in this aspect is seen as a deep and multi-faceted phenomenon that consists of mutual knowledge, relationships, understanding, mutual action and interaction. Implementation of the proposed integration models of interaction of subjects of educational process and elements of new educational technologies, – this is a kind of learner-centered technology-based on personalization (adequate inclusion in the process of interaction of the personal experience of all his subjects). Also it is believed that many psychological techniques and methods are particularly optimal for creating learning from each other and “understandingly” atmosphere classes. Especially popular is receiving the INSERT and its application in the lectures. Lecture-insert is not only thought-provoking students with form classes, but by stimulating effective interaction of subjects of educational process.

Key words: cooperation; learning from each other; mutual understanding; personalization; lecture-insert.